

ДЕНИС ИГНАШОВ

**ЦВЕТНЫЕ
ЭТЮДЫ**

исторический роман

18+

Денис Игнашов
Цветные этюды

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Игнашов Д.

Цветные этюды / Д. Игнашов — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Страшный XX век всё сломал и смешал, перемолол в своих жерновах жизни людей, стран и континентов. Россия, Германия, Югославия, Парагвай... Где бы ни был человек, кем бы он ни был, он просто человек, любящий и ненавидящий, уверенный и сомневающийся, слабый и сильный. И всё в итоге зависит от простого и ясного выбора, подчас молниеносного и молчаливого, который в момент решает, кем ты останешься в истории - героем или предателем... В основе повествования художественная обработка реальных исторических событий.

Содержание

БЕЛЫЙ ЭТЮД: ЕЛАГИН	6
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Денис Игнашов

Цветные этюды

Нет ничего более неправдоподобного, чем правда
Амброс Бирс

БЕЛЫЙ ЭТЮД: ЕЛАГИН

Москва, июнь 1918 г.

– Товарищ Елагин?

– Да.

– Емельян Фёдорович?

– Да.

Секретарь отметил что-то в бумагах, оглядел стоявшего перед ним человека в выцветшей, с тенями бывших погон офицерской гимнастёрке, потом указал рукой на дверь кабинета.

– Проходите, пожалуйста, вас ждут.

В кабинете за широким столом сидел кудрявый черноволосый мужчина с маленькой клиновидной бородкой и стекляшках пенсне на носу. Появление посетителя он, казалось, благополучно проигнорировал, продолжая что-то быстро и агрессивно писать. Но через минуту, отложив в сторону стальное перо, он отвлёкся и впился колким, подозрительным взглядом в вошедшего.

– Вы Елагин?

– Да, товарищ народный комиссар.

Черноволосый мужчина поднялся из-за стола и быстро подошёл к посетителю.

– Не виделись раньше? – поинтересовался он, внимательно всматриваясь в лицо гостя, а затем коротко представился: – Троцкий, – и крепко пожал руку. – Будем знакомы.

Троцкий снял пенсне, обнажив свои близорукие и красные от хронического недосыпа глаза, потёр пальцами переносицу.

– Вы, товарищ Елагин, очень хорошо показали себя на ответственной должности в штабе военного руководителя Московского района. Мне рекомендовали вас как прекрасного специалиста и преданного делу революции командира, – сказал он. – И потому принято решение назначить вас командующим второй армией Восточного фронта.

– Командующим армией? – не сдержался и с нескрываемым удивлением переспросил Елагин.

– Да, товарищ Елагин, – подтвердил Троцкий. – В Поволжье сейчас очень тяжело. Чехословаки и белые наступают, они уже захватили Пензу, Курган, Сызрань и Самару. И хотя наших сил в регионе в несколько раз больше, чем у противника, на фронте царит откровенный бардак. Надо решительно кончать с митинговщиной и предательством. Первейшей вашей задачей будет наведение дисциплины в армии и организация обороны Уфы. Уфимское направление на фронте сейчас одно из самых приоритетных. Нельзя позволить, чтобы уральские и поволжские белогвардейцы объединили свои силы.

Троцкий вернулся к столу. Елагин ждал.

– Вы казак?

– Да, товарищ Троцкий, я оренбургский казак.

– Это хорошо, – кивнул наркомвоенмор. – Значит, места военных действий вам знакомы... Вы эсер?

– Да, я член партии левых эсеров, – подтвердил Елагин.

– Это хорошо, – повторил Троцкий, опять кивнув, и добавил с уверенностью: – Полагаю, вы найдёте общий язык с командующим Восточным фронтом Муравьёвым. Он тоже левый эсер.

Троцкий взял со стола бумагу, решительно расписался на ней и протянул Елагину.

– Вот приказ о вашем назначении. Не медлите, сегодня же отправляйтесь на фронт. – На прощание наркомвоенмор крепко пожал руку новоиспеченному командующему армией. – Желаю вам успехов, товарищ Елагин. Мы ждём от вас решительных и действенных мер. И

помните, – тон Троцкого изменился, став более жёстким и властным, – Советская власть не прощает ни ошибок, ни, тем более, предательства!

В Уфу в удобном штабном вагоне Елагина доставил бронепоезд. И не одного. Вместе с новым командующим приехали новый комиссар армии и новый начальник штаба. Обновление всего руководства армии было вынужденным. Несколько дней назад командующий второй армией перешёл на сторону белых, начальника штаба, который тоже пытался сбежать, расстреляли в ЧК, а комиссара убили на передовой – свои же красноармейцы подняли его на штыки. Вот и приходилось срочно латать вдруг образовавшиеся кадровые дыры.

Для нового комиссара Якова Фридовского очередное назначение стало неприятной неожиданностью. Он самоотверженно трудился в московской ЧК, усердно выметая всякую контрреволюционную нечисть, и никак не думал, что его могут взять, да и послать на фронт. Фридовский подозревал, что причиной тому могло стать излишнее чекистское рвение. Кто ж мог подумать, что тот контрреволюционер, активный кадетский агитатор, московский профессор, которого он недавно приказал расстрелять, – слишком поспешно, как оказалось, – был хорошим знакомым самого Бухарина! И вот результат...

Внезапное повышение до комиссара армии совершенно не радовало Фридовского. Печальная участь предшественника заставляла задуматься. Маленький человечек в кожаной тужурке, потерянный и хмурый, он сидел в углу комнаты, с раздражением поглядывая в сторону штабистов и красных командиров. Скучившись у огромного круглого стола, они что-то колдовали около карты Поволжья и Урала.

Начальник штаба армии Михаил Степанович Шмелёв в прошлом был кадровым офицером, подполковником Генерального Штаба. Елагин сразу понял, что в его лице он обрёл грамотного специалиста и знающего военную науку помощника. На германском фронте полковник Елагин и сам был начальником штаба – сначала полка, потом дивизии, но с масштабом армии, да ещё в роли командующего, он столкнулся впервые.

– Ну-с, и что нам известно о противнике? – спросил Елагин, склонившись над картой.

– Точных данных пока нет, – ответил Шмелёв. – Известно только, что со стороны Самары к Уфе, – начальник штаба ткнул указкой в карту, – двигаются от трёх до восьми тысяч солдат из чехословацкого корпуса и местного белого ополчения под командованием некоего капитана Чечека.

– А что у нас на восточном направлении? – спросил Елагин.

– Из района Челябинска на запад наступают чехословаки. Ими руководит подполковник Войцеховский.

– Есть оперативный план обороны города? – поинтересовался Елагин.

– Да. Согласно ему предполагается сосредоточить все силы второй армии около Уфы, прикрыв город со всех направлений.

– Кто готовил оперативный план? – спросил Елагин.

– Бывшие командующий армией и начальник штаба армии, – ответил Шмелёв.

Комиссар Фридовский, услышав крамолу, встрепнулся и встал со стула.

– Это невозможно! – грозно рявкнул он. – Вы хотите организовать оборону города по оперативному плану предателей?

Шмелёв смешался, но не испугался выпада комиссара.

– Я изучил план обороны и считаю его оптимальным на настоящий момент, – заметил он.

– Товарищ Фридовский прав, – неожиданно поддержал комиссара Елагин. – Мы не должны опираться на оперативный план, составленный изменниками. Информация о структуре обороны, наверняка, уже известна белым, и потому необходимо срочно поменять план обороны.

– Но ведь... – нетвёрдо начал Шмелёв, однако Елагин не дал ему продолжить.

– В первую очередь, надо отказаться от концентрации сил вокруг города. Это создаёт реальную опасность окружения, – решительно сказал командующий и указал рукой на карту. – Главные силы армии надо развернуть на отдалении от Уфы, перекрыв основные пути наступления противника здесь, здесь и здесь...

– Я не уверен, что это лучшее решение, – тихо сопротивлялся Шмелёв. – У противника нет достаточных сил, чтобы окружить нашу армию. Но если мы отведём войска от города, мы можем потерять Уфу.

Фридовский подошёл к начальнику штаба ближе.

– Ваше упорство в отстаивании предательского плана обороны становится подозрительным, – с неприкрытой угрозой прошипел он.

Комиссар ждал ответа. И Шмелёв внезапно понял, что его одиночное, не поддержанное никем упрямство может быть теперь расценено как откровенный саботаж, а за этим вполне может последовать арест и трибунал. Начальник штаба вынужден был сдаться.

– Я согласен. Оперативный план надо менять, – проговорил он, опустив голову.

На следующий день красноармейские части стали покидать Уфу и её окрестности. В городе остался лишь штаб армии, да немногочисленный гарнизон, в основном состоявший из местных жителей, мобилизованных в Красную Армию.

Елагин развил кипучую деятельность. Совещания сменялись одно за другим, сыпались приказы по новой дислокации войск. Шмелёв улучшил момент и подошёл к командующему, когда тот, отправив очередного посыльного, остался стоять во дворе штаба один.

– Емельян Фёдорович, мне нужно с вами поговорить наедине.

Они отошли в сторону, чтобы никто даже случайно не смог подслушать их разговор.

– Наш комиссар ничего не понимает в военном деле, – сказал Шмелёв. – Но вы, Емельян Фёдорович, вы должны же видеть, что вывод частей из города может стать фатальной ошибкой! Мы сильно распылили свои силы, это может нарушить управление армией, и тогда белым не составит большого труда обойти наши позиции и занять Уфу.

Елагин помолчал, потом посмотрел на начальника штаба и тихо произнёс:

– Именно на это я и надеюсь.

Шмелёв опешил; сначала он подумал, что ослышался, но спокойный и уверенный тон Елагина не оставлял никаких шансов на иное понимание сказанного.

– Значит, это не ошибка, – обречённо выдохнул Шмелёв.

– Нет, Михаил Степанович, не ошибка, – подтвердил Елагин. – Чехословаки должны появиться здесь через день-два. Уфа падёт без боя... И буду с вами откровенен. Я специально принял должность командующего армией, чтобы подготовить сдачу Уфы.

– Но... как?! – Шмелёв отступил на полшага.

– ЦК партии эсеров командировало меня в Красную Армию на подпольную работу. Я социалист, я всегда верил в социализм и считал, что с момента Февральской революции у России появился реальный шанс стать народным демократическим государством. И я сделаю всё от меня зависящее, чтобы у нашей страны этот шанс не украли.

– Вы не верите большевикам?

– А вы верите? – Елагин зло прищурился, произвольно повысив голос.

Шмелёв нахмурился.

– Я не политик, я военный, – глухо откликнулся он.

– Сейчас в России невозможно быть вне политики, – ответил Елагин. – И вы должны определиться, с кем вы? С народом или с кучкой профессиональных обманщиков? Для большевиков не существует России, а есть лишь территория для их бесчеловечных экспериментов. Можно ли верить людям, которые желают поражения своей стране в войне с внешним врагом и используют заложников и террор как инструмент давления на общество?

– Может быть, вы и правы, Емельян Фёдорович, – медленно, с растерянностью в голосе сказал Шмелёв и добавил: – Только всё равно это больше похоже на предательство.

– Для меня предательством будет продолжение службы в Красной Армии, – парировал Елагин.

Начальником штаба овладело смятение.

– Зачем вы мне всё рассказали? – сказал он с непонятной досадой. – Вы не боитесь, что я сообщу об этом Фридовскому?

– Боюсь, но всецело полагаюсь на вашу офицерскую честь, – ответил Елагин. – Вы не можете не признать, что я преследую благородную цель. Я, как могу, помогаю России не упасть в большевистскую пропасть, и хочу, чтобы вы были вместе со мной.

Шмелёв опустил голову.

– Я не могу.

– Но вы же офицер, – с упрёком промолвил Елагин. – Признайтесь, наконец, себе в том, что...

Начальник штаба не дал договорить Елагину.

– Я не могу, – повторил Шмелёв и спросил: – У вас есть семья?

– Нет, – признался Елагин.

– А у меня есть. И потому я не могу пойти с вами, – сказал Шмелёв. – У меня жена и двое маленьких сыновей в Москве... И для меня они дороже всей России.

Шмелёв повернулся. Уходя, он лишь буркнул:

– И будь, что будет...

Когда Шмелёв ушёл, к Елагину приблизился наблюдавший издали за их разговором человек в тёмной гимнастёрке. Это был адъютант командующего Сергей Мухин.

– Вы всё ему рассказали? – коротко спросил Мухин.

– Да.

– Он с нами?

– Отказался.

– Может...

– Нет, – категорично отрезал Елагин. – Не трогайте его. Он будет молчать.

Через два дня к Уфе подошли чехословацкие части капитана Чечека. Накануне в ночь командующий армией Елагин, его адъютант и ещё несколько человек из штаба армии исчезли. Узнав о том, что командующий армией сбежал, уфимский гарнизон красных буквально растаял на глазах. Запоздалая жестокость Фридовского, который пытался восстановить дисциплину расстрелами, уже ничего не могла изменить. Солдаты массово дезертировали, бросали оружие и, срывая красные звёзды, разбежались по домам или в одиночку и группами покидали Уфу. Отчаявшись что-либо изменить, испуганный Фридовский вместе с чекистами укатил из города на авто, бросив на произвол судьбы штаб армии. И только организованные действия Шмелёва позволили эвакуировать штабистов и оставшихся бойцов из города буквально за полчаса до вступления в него авангарда чехословаков. Красная Уфа пала без сопротивления.

По прибытии в Самару Елагин был принят как герой эсеровским правительством Комитета членов Учредительного собрания – КОМУЧа, – и тут же вступил в Народную армию Поволжья. В июле от красных был освобождён Хвалынский, и Елагин стал командиром белых частей Хвалынского района.

В бригаду Елагина вошли весьма разношёрстные военные формирования. Их боевым центром стали рота чехословаков и сотня оренбургских казаков. Основные же силы бригады были сформированы из добровольцев Поволжья. Это были офицеры, гимназисты, студенты, мещане и даже рабочие – все те, кто решил с оружием в руках выступить против большевиков. Было много местных крестьян, объединённых в отдельные отряды. Спасаясь от красной

мобилизации, они добровольно вступали в белое ополчение. Мужики из большого и богатого городка Балаково составляли самое крупное воинское подразделение в бригаде Елагина. Красные успели их чем-то сильно обидеть, и потому балаковские мужики отличались особой решительностью и стойкостью. У Елагина была и своя артиллерия – две пушки старого образца, которые при стрельбе сильно подпрыгивали, производя много шума, но совершенно не отличались точностью.

Дисциплина в частях держалась исключительно на сознательности добровольцев и авторитете руководителей. В Народной армии погоны были упразднены, отличительным знаком белоармейца стали георгиевская ленточка на околышке фуражки и белая повязка на левом рукаве; званий тоже не было, к вышестоящему обращались просто «командир».

Боевое крещение вновь образованная бригада Хвалынского района приняла на следующий день после своей организации. Около деревни Васильевка произошёл скоротечный бой. Красные, потеряв несколько человек убитыми, поспешно отошли за Волгу, бросив пару пулемётов и исправное орудие. Успешное начало вдохновило белых. Скоро из Самары пришёл приказ о наступлении на город Вольск, который занимали части красной бригады под командованием Василия Чапаева.

Стремительное продвижение подразделений Елагина, поддержанное Волжской речной флотилией, не дало красным укрепить оборону города. Подойдя рано утром к Вольску, белые сразу же развернули свои силы в поле и начали обстрел позиций противника из орудий. Красная артиллерия ответила.

Елагин расположился на холме и наблюдал за довольно бестолковой артподготовкой атаки и не менее бестолковым ответом красных – орудийная дуэль не нанесла ни одной из сторон никакого ущерба.

– Дрянные у них артиллеристы, – весело заметил Мухин, бывший адъютант командующего армией красных, а ныне начальник штаба белой бригады.

– Наши не лучше, – угрюмо ответил Елагин, рассматривая в бинокль город.

Наконец, пара снарядов, выпущенная из орудий белых, легла в опасной близости от пушек противника; орудия красных на время замолчали.

– Разрешите, Емельян Фёдорович? – с жаром попросил командир роты самарцев капитан Владимир Окунев.

Елагин согласно кивнул.

– Давайте, с Богом.

Через пару минут лежавшие на краю поля самарцы поднялись и цепью двинулись в атаку. Где-то слева застрекотал пулемёт, но внезапно умолк, раздались растрёпанные одиночные ружейные выстрелы, а потом неожиданно красные стали покидать свои позиции, отходя к центру города. Видя, что противник отступает, самарцы перешли на бег и с нестройным, но радостным «ура!» ворвались в город.

– Наш Вольск! – удовлетворённо выдохнул Мухин, наблюдая, как белые решительно продвигаются вперёд.

Самарцы, не встретив никакого сопротивления, добежали до центральной площади города и с удивлением увидели десятки красноармейцев, которые, сбросив оружие и подняв вверх руки, держали в них белые платки. Вдохновлённые той лёгкостью, с которой далась победа, самарцы забыли про осторожность и остановились посреди площади. Вдруг сразу с нескольких сторон ударили пулемёты, спрятанные в соседних домах. Пулемётные очереди нещадно косили столпившихся на открытой площади самарцев. Те попытались организованно отступить, но это отступление превратилось в бегство. Из города сумела вырваться только половина роты. Оставляя на улицах убитых и раненых, самарцы бросились под прикрытие своих частей. Когда они оказались в поле, снова заработала красная артиллерия, шрапнелью добывая отступавшую роту.

Штурм города с ходу провалился. Рота самарцев потеряла большую часть своих людей и была обезглавлена – погибли или попали в плен капитан Окунев и его заместитель.

– Емельян Фёдорович, может, мы попробуем, – неуверенно предложил командир оренбургской казачьей сотни Аким Ситников, видя, как красные снова занимают оставленные ранее позиции у города.

Елагин отрицательно покачал головой.

– Отходим, – приказал он.

Белая бригада отошла от Вольска, расположившись на опушке леса. Полдня сохранялось затишье. Красные, не имея достаточно сил, не могли контратаковать, а белые после неудачного штурма решали, что делать дальше.

– Как стемнеет, надо будет наступать всеми силами, – громогласно объявил поручик Станислав Новак, командир чешской роты. – Их меньше, уверен, решительной атаки они не выдержат и побегут.

– Не дело это, – говорил командир балаковских мужиков Горохов, поглаживая свою широкую, окладистую бороду. – Этак мы можем много своих потерять, а в темноте ещё и друг друга постреляем. Хитростью надо брать.

– Что предлагаешь, Терентий Иванович? – спросил Елагин.

– Предлагаю обойти город и ударить с тыла, – ответил Горохов.

– Незаметно обойти город не получится, – покачал головой Мухин. – Да мы и не знаем, что там у красных. Может, тоже засада.

– Это вы не знаете, – поучительно заметил Горохов, – а мы уже разведали, что там, да как. И хочу сообщить, что у красных с другой, западной стороны города только пешие дозоры. Все основные силы они собрали на востоке и в центре города.

– Хорошо, а сможем ли мы незаметно для красных перевести бригаду на запад? – колебался Мухин.

– А этого и не надо делать, – сказал Горохов. – Вы здесь пошумите, устройте как бы новый штурм, а мы в это время с мужиками обойдём город с запада. И как только услышите стрельбу, начинайте общее наступление.

Елагин сомневался в новом плане, но за неимением лучшего варианта согласился рискнуть.

Ещё до наступления вечерних сумерек части Хвалынской бригады снова развернулись у кромки поля. Два орудия стали бегло обстреливать позиции красных, артиллерия противника неспешно, явно экономя снаряды, отвечала. Чехословаки и поволжские роты, ведомые Новаком и Мухиным, поднялись в полный рост и стали цепью осторожно продвигаться в сторону города. Делали они это очень медленно, периодически залегали, выжидая. Наконец, в центре города что-то взорвалось, послышалась беспорядочная стрельба. Услышав это, первым вскочил Мухин и повёл белогвардейские роты в атаку. Красные в панике оставили позиции на окраине города и стали отступать к центру, но там их уже ждали балаковские мужики. Не дав врагу опомниться, они мгновенно окружили красных, заставив их капитулировать. Скоро всё было кончено, Вольск пал.

На этот раз потери у белых были минимальны: трое убитых и с десятков раненых. Красные, ошеломлённые и сломленные внезапным появлением свирепых бородачей-балаковцев у себя в тылу, почти все сразу сдались. Хвалынская бригада захватила в Вольске около четырёх сотен пленных. В основном это были мобилизованные крестьяне, которые с радостью побросали оружие. Но кроме них были и красные добровольцы – интернациональная рота, состоявшая из венгров, латышей и китайцев.

Печальная участь оказалась у тех раненых самарцев, которые не смогли выбраться из города во время первого штурма – всех их интернационалисты добились штыками. Обезображенный труп капитана Окунева нашли во дворе одного из домов. Он попал в руки врага ране-

ным, его пытали – сломали ноги, отрезали нос и выкололи глаза, – а потом тоже добились штыками. О том, как это произошло, рассказали местные жители.

Пленных красных построили на площади в несколько шеренг. Закинув руки за спину, перед ними встал Елагин.

– Комиссары, командиры, иностранцы, выйти вперёд! – приказал он.

Сначала никто не вышел, но потом перепуганные красноармейцы сами стали выталкивать из своих рядов начальников и интернационалистов. Таких набралось человек семьдесят. Командиром красных был совсем молодой парень, высокий светловолосый латыш лет двадцати, а комиссаром – средних лет лопухий мужчина в нелепом картузе с тканевой звёздочкой. Командир держался очень смело, даже вызывающе; комиссар же, склонившись, прятал бегающие глаза и всё время поправлял дрожащими руками разорванный карман своего френча.

– Вы командир? – спросил Елагин у латыша.

– Да.

– Какая часть?

Латыш молчал. Вперёд выступил комиссар.

– Полк имени Парижской Коммуны Волжской Красной бригады, – быстро сказал он.

– Вы комиссар?

– Да.

– Имя, фамилия?

– Константин Мазуров.

– Зачем вы пытали и убили пленных? – Елагин сжал за спиной руки в кулаки.

– Это война, вы же понимаете, – виновато и поспешно оправдывался комиссар. – Мы не всегда можем предотвратить подобные эксцессы. Красноармейцы были обозлены...

– Врёт он! – послышался возглас из толпы пленных. – Это командир приказал добить пленных!

Латыш молчал, прямо и горделиво держа свою голову. Елагин подошёл к нему.

– Зачем? – с искренним непониманием спросил он. – Зачем вы это сделали?

– Это было необходимо, – уверенно ответил латыш. – Все должны понимать, что любое сопротивление революционной власти будет караться самым жестоким образом. Революция защищается, она должна избавиться от всех, кто мешает ей строить светлое будущее!

– Вы знаете, что вас ждёт?

– Да, – кивнул латыш и улыбнулся. – Но вы ничего не можете изменить. Всё равно победа будет за нами!

Елагин отвернулся и коротко бросил:

– Расстрелять обоих.

Комиссар бросился на колени.

– Пощадите, господин офицер! У меня трое детей!

Елагин был непреклонен. Комиссар ещё верил в чудо, он надеялся, что его откровенное и публичное унижение может что-то изменить, он жалобно причитал и не вставал с колен, а тем временем выбирали добровольцев для расстрельной команды. Вызвались многие, но это дело поручили нескольким бойцам из разгромленной самарской роты. Среди них был и молодой шестнадцатилетний гимназист, который сегодня первый раз участвовал в бою. Его сосед по строю, усатый прапорщик участливо шепнул парню: «Не надо сынок, не твоё это дело», но мальчишка не дрогнул, – он желал отомстить за своих погибших товарищей.

Плачущего комиссара вместе с хранившим предсмертную гордость красным командиром отвели во двор. Раздался залп!.. Расстрельная команда быстро вернулась, и последним шёл гимназист. Бледное лицо, стеклянные глаза, медленные, неловкие движения – он сегодня впервые убил человека! Гимназист не встал обратно в строй, а сел за спиной товарищей, при-

слонившись к забору, и заплакал, грязным кулаком вытирая слёзы: он сегодня впервые убил человека...

– Что с остальными делать? – спросил Мухин у Елагина, кивнув в сторону серо-зелёной массы ожидавших своей судьбы красноармейцев.

– Всех мобилизованных красными отпустить, – распорядился Елагин. – Кто захочет на добровольной основе вступить в нашу Народную армию, пусть вступает. А иностранцев... – Елагин секунду раздумывал. – Иностранцев заключить под стражу. Завтра запросим у Самарского правительства, что с ними делать.

Большинство пленных отпустили, человек двадцать сразу же записались в белую армию, а всех латышей, венгров и китайцев закрыли в пустом складе на краю города.

Население Вольска встретило белых очень дружелюбно, почти как освободителей. Самые смелые нацепили на одежду трёхцветные ленточки и гордо ходили по улицам, чувствуя себя под защитой белых отрядов. На ночь бригада разместилась в городе. Под штаб определили каменное здание богатого купца, семья которого сбежала из города, как только в нём появились красные. Мухин и Елагин расположились в самой большой комнате дома. Денщики в это время пытались организовать ужин, собирая у соседей продукты.

Но, видно, крови было пролито в этот день недостаточно. Скоро в комнату, где за столом сидели Елагин и Мухин, влетел чех Новак.

– Красных режут! – крикнул он, широко распахнув дверь.

Командиры выскочили на улицу и бросились к складу. Открывшаяся картина ужаснула их. Около склада мёртвыми рядами лежали все пленные красноармейцы – несколько десятков венгров, китайцев и латышей. Большинство из них были в исподнем, с резаными и колотыми ранами, практически все – без обуви. Вокруг собрались хмурые балаковские мужики, казаки, добровольцы и местные горожане.

– Кто?! – взревел Елагин. – Кто это сделал?!

Из-за спин своих мужиков выглянул растерянный Горохов.

– Простите, Емельян Фёдорович, – повинился он. – Наши признали в одном из мадьяров насильника. Тот месяц назад девку у нас в городке испортил и убил её жениха. У нас к тем мадьярам особый счёт был – обидели они нас сильно, грабили, измывались... Ну, и порешили мужички этих всех. – Горохов показал на трупы и склонил голову. – Только, кажись, ошиблись мы чуток. Не те это были мадьяры... Погорячились, одним словом.

Елагин приказал похоронить всех убитых, развернулся и ушёл. Наказать балаковских мужиков, принёсших ему сегодня победу, он не посмел.

В ту ночь Мухин и Елагин ещё долго сидели за столом и пили водку. Большею частью молча. Только после очередной рюмки пьяный Елагин не сдержался, с горечью и болью выдохнул:

– И когда же все эти безумства русские закончатся?!

Мухин посмотрел на него прищуренным взглядом осоловевших, хмельных глаз.

– Рано вы устали от войны, Емельян Фёдорович. Ведь всё только начинается, – сказал он с какой-то пустой, злой грустью, осклабился и снова налил рюмку.

Весь конец июля и август восемнадцатого года прошли в боях. Хвальнская бригада прорывалась вниз по Волге, на юго-запад. Елагин хотел выйти к Саратову и соединиться там с донскими казаками, осаждавшими Царицын, но его малочисленная бригада, лишённая поддержки других белых частей, так и не смогла преодолеть сопротивление красных. Измотанная переходами и потрёпанная в постоянных сражениях и стычках, она вынуждена была отступить обратно к Вольску. Но и здесь бригада не смогла передохнуть, пополнить свои ряды и запасы. Со стороны Николаевска наступала стрелковая дивизия красных, и Елагину пришлось срочно организовать оборону города. По численности силы были явно не в пользу белых, но командир

бригады надеялся на боевой дух и опыт своих солдат – у красных дивизия была необстрелянной и состояла в основном из мобилизованных рабочих и крестьян.

Белые части заняли оборону восточнее Вольска. Неприятель, подойдя ближе, не стал атаковать их позиции с ходу. В изучении противника и составлении плана наступления прошли сутки. На второй день с самого раннего утра заработала красная артиллерия, а потом поднялась и двинулась вперёд пехота. Основной удар пришёлся на отряд Новака, который состоял из чехословаков и поволжских добровольцев. Белые подпустили цепи противника как можно ближе, а потом ударили из всех пулемётов и винтовок.

Маленький бесстрашный человечек в тёмно-зелёной гимнастёрке шёл впереди красных. Когда белые открыли огонь, он призывно замахал рукой с револьвером, требуя от своих солдат идти в атаку, но те сначала бестолково прижимались к земле, а потом и вовсе стали отступать. По линии атакующих пробежало испуганное, предательское «назад!», и красные, пятясь и беспорядочно отстреливаясь, начали отходить. Маленький бесстрашный командир метался перед линией, кричал, стрелял из револьвера, но уже не мог ничего изменить. И скоро он, сделав плавный прощальный взмах рукой, упал на траву, сражённый пулей, и больше уже не поднялся.

Красные отошли, но ненадолго. Через некоторое время после очередной артиллерийской подготовки они опять двинулись в атаку, теперь уже по всему фронту, а потом снова вынуждены были отойти, остановленные огнём Хвалынской бригады. Но долго так держаться белые уже не могли. И без того скудные запасы боеприпасов подходили к концу.

Во время непродолжительного затишья Елагин собрал командиров. Новак стёр чёрный пот со лба и грустно усмехнулся.

– Следующая атака красных будет последней, у меня по одному патрону на человека, – откровенно сообщил он Елагину. – Нужно отступать.

– Согласен, – печально кивнул Горохов. – У моих мужиков тоже нет патронов. Надо отходить.

Понурые командиры ждали решение Елагина

– Ну, что же, если мы не можем удержать наши позиции, значит, надо... атаковать, – вдруг предложил тот.

Передышка скоро закончилась. Красные орудия уже привычно прошли по позициям бригады, а потом цепи неприятельской пехоты поднялись в атаку. Ломанными длинными рядами они осторожно продвигались вперёд.

В обороне белых возникла оживлённая суэта, командиры стали поднимать своих бойцов. Послышались голоса: «Приведите себя в порядок, господа, как-никак умирать идём». Выстроившись в цепи, белые пошли во встречную атаку. Первая линия состояла полностью из офицеров. В полный рост, с винтовками за спиной на ремне, они безмолвно и неспешно маршировали в ногу. Зажатые в зубах сигареты, прилаженные перед атакой старые погоны – ровная офицерская волна, полная холодной отваги, двигалась на врага. Противники сближались в непривычной и жуткой тишине, никто не открывал огня.

Раздалось громогласное, раскатистое «ура!»; красные перешли на бег и, ведомые комиссарами и командирами, бросились в штыковую атаку. Белые офицеры, казалось, никак не отреагировали на бросок неприятеля, они молчаливым маршем, чётко в ногу, продолжали двигаться вперёд с винтовками за спиной. Неожиданно красное «ура!» стало затихать, разорвавшись на отдельные, словно уходящие в эхо крики. Красные остановились в нерешительности на месте, раздались нестройные выстрелы, кто-то попытался назад; цепи дрогнули и стали распадаться на звенья, по ним пронеслось смятение. Ряды смешались, красные устроили беспорядочную пальбу по наступающим белым.

Момент настал. Шедший в первой линии Елагин поднял руку с наганом, громко, насколько хватило голоса, крикнул: «За Россию!» и устремился вперёд. За ним, с винтовками наперевес, ринулись офицеры, откликнувшись на призыв гудящим рёвом атаки. Людские

волны сошлись, сшиблись, красный на белого, русский на русского – с ненавистью, с остервенением, со звериным предсмертным азартом они бросились врукопашную и стали убивать друг друга. Число теперь не имело никакого значения, всё решала воля. И на этот раз воля у белых оказалась сильнее. Красные начали отступать, сперва пятились назад, потом побежали, бросая оружие. Мощный победный рёв сотряс белые цепи – судьба сражения была решена. Разбегающегося противника долго преследовали. Оренбургские казаки со свистом и гиканьем гнали сломленную рабоче-крестьянскую пехоту, поднимая и опуская блестящие как молнии пашки. В ярости боя никто не помнил о милосердии, поднятые вверх руки и крики «сдаюсь!» совсем не гарантировали жизни. Это была война, на поле гуляла смерть...

Утратившая управление и дезорганизованная дивизия красных была разбита, разорвана на отдельные отступающие лоскутки. Она потеряла всю свою артиллерию и почти треть численного состава убитыми и пленными. Жестокие правила, установленные самой гражданской войной, требовали своего неукоснительного исполнения. Пленные комиссары и командиры, как идейные противники, были расстреляны на месте, всем рядовым красноармейцам объявили, что они свободны, если обещают больше не поднимать оружие против белых. Поволжские рабочие и мобилизованные крестьяне неуверенно и глухо обещали, вероятно, даже не надеясь, что могут сдержать слово, но были отпущены. Нерешённым оставался только вопрос с малочисленной группой иностранцев. Большинство командиров, выражая волю основной массы бригады, выступали за то, чтобы отправить всех иностранцев вслед за комиссарами. Именно интернационалисты составляли костяк карательных отрядов красных, которые занимались продразвёрсткой и грабили крестьянские хозяйства, и потому пощады им обычно ждать не приходилось. Была и другая причина. Для белых иностранцы были не невольными участниками братоубийственной войны, а наёмниками, которые добровольно выбрали сторону большевиков: с целью поживиться или по идейным соображениям – это не имело значения. А с наёмниками, влезавшими во внутреннюю усобицу, всегда и во все времена разговор был коротким.

Человек сорок иностранцев сидели на земле, покорно ожидая своей участи. Среди них были эстонцы, мадьяры и югославы. Сидя на траве, они с надеждой и страхом наблюдали за группой белых офицеров, которые совещались чуть в стороне. Командир бригады молча выслушал все мнения «за» и «против» расстрела, подумал недолго, а потом что-то отрывисто приказал. От группы белых отделился невысокого роста офицер в кепи, по-видимому, чех, и подошёл к пленным.

– Повезло вам на этот раз, – сказал он с явным неудовольствием и досадой. – Командир вас отпускает. Но если попадёте ещё раз, лично перестреляю вот из этого нагана! – Новак потряс для убедительности своим револьвером. – Рожи ваши бандитские я хорошо запомнил!

Недолго думая иностранцы поспешно направились к ближайшему леску, иногда с опаской поглядывая назад. Надо было быстро уходить, ведь победители могли и передумать. И только темноволосый молодой югослав, шедший последним, на секунду остановился, пристально рассматривая стоявшего в стороне командира белой бригады. Товарищ-венгр ткнул его в плечо.

– Чего уставился, пошли быстрее, – испуганно пробормотал он.

– Как зовут этого человека? – спросил югослав.

– Тебе не всё равно?

– Хочу знать, кому буду должен.

– Это полковник Елагин... Поторапливайся, а не то твой полковник передумает и решит, что ты не свободен, а пули заслуживаешь!

Несмотря на одержанную победу Хвалынской бригаде пришлось отойти. Красная Армия наступала по всему Восточному фронту. Соседи Елагина не сдержали напора противника и

спешно отступили к Самаре. Сохранять позиции под Вольском было уже сродни самоубийству; задержись там бригада хоть ненадолго, ей грозили бы окружение и разгром. Вольск был оставлен без боя, после пали Хвалынский, Сызрань. Красные, догоняя отступающие белые части, подошли к Самаре.

В городе происходило натуральное столпотворение. Несмотря на бодрые и воинственные заявления Самарского правительства никто уже не верил, что город удастся отстоять. Шла поспешная и суетливая эвакуация. На восток потянулись эшелоны, заполненные беженцами. Таких, кто уже не надеялся на белую власть и смертельно боялся красной, было очень много. Настроение панического бегства, охватившее население, передалось и войскам. Многие белые части практически распались, не в силах сформировать даже организованный отход. Елагин с тоской смотрел на толпы, штурмующие поезда в восточном направлении, видел среди них много молодых мужчин в военной форме и думал, что если бы удалось остановить хотя бы половину из этого бегущего в никуда мужского боеспособного населения, таких сил хватило бы не только на то, чтобы отстоять Самару, но и с победами дойти до самой Москвы. Но все устали, не верят в собственные силы и уповают на кого-то, кто смог бы всё изменить, остановив красный поток, заливающий белое мятежное Поволжье.

К вечеру из военного штаба Самарского правительства вернулся Мухин. В городе он раздобыл несколько новых кавалерийских шинелей и папахи: было начало октября, и золотая осень потихоньку катилась к зиме.

– Представляете, Емельян Фёдорович, иду по улице, – рассказывал Мухин, – а навстречу какая-то сволочь с красным бантом. Гордый уже такой, с видом победителя! Ну, я ему по зубам, сбил спесь... Жалею, что не пристрелил.

Мрачный Елагин сидел за столом, перед ним лежал чистый лист бумаги; он рассеянно кивнул.

– Что с бригадой? – спросил Елагин, не поднимая головы.

– Есть приказ о переброске бригады в Оренбург, – ответил Мухин, – Уже выделили эшелон. Скоро начинаем погрузку, – и поинтересовался: – Вы письмо кому-то пишете?

Елагин кивнул.

– Хотел вот написать вдове капитана Окунева... сообщить. Она ведь, вероятно, не знает о смерти мужа, – споткнулся, посмотрел в окно. – На германской я много таких писем написал, а тут...

Мухин прошёлся по комнате, потом сел на стул, закинув ногу на ногу, и стал легонько подрагивать носком своего сапога.

– Вы на каком фронте воевали? – спросил он, бережно пригладивая свои пышные чёрные усы.

– На Западном, – ответил Елагин. – Был начальником штаба полка, потом дивизии.

– А я служил в первом Кавказском корпусе, Эрзерум брал, – с гордостью заметил Мухин и мечтательно улыбнулся, вспоминая былое. – Тогда есаул Медведев опередил меня со своей конвойной сотней и первым ворвался в город. Мой казачий эскадрон был вторым. Командующий Кавказской армией Юденич лично вручил мне Георгиевский крест. Лихо мы тогда с турками разделались. Шашки наголо – за Бога, царя и Отечество!.. – вздохнул печально. – Но нет уже царя, и нет того Отечества, которому служили, и вряд ли воскреснет снова. Расползлась Россия по лоскуткам, по обрывкам – шовчики оказались некрепкими. Всё развалили товарищи наши социалисты!

Елагин оторвал взгляд от чистого листа бумаги.

– Странно, что с такими мыслями вы оказались в эсеровской подпольной организации. Ведь мы и есть товарищи социалисты.

– Мне всё равно с кем против большевиков, с эсерами, с монархистами или с самим чёртом, – бросил Мухин. – Главное зло от них, от большевиков. И пока враг у нас один – это большевики, нам с вами по пути.

– А потом?

Мухин нахмурился.

– Ещё с большевиками не разобрались, – зло буркнул он в ответ. – Так уж выходит покамест, что они нас бьют, а не мы их.

Елагин попытался что-то написать на бумаге, но потом, видно, передумал, быстро скомкал листок.

– Не могу, – сказал он. – Не знаю, как это написать.

– Может лично сообщить? – спросил Мухин. – Где она живёт? В Самаре?

– Нет, но недалеко, на станции Кинель.

– Так, давайте съездим, – предложил Мухин. – Пока бригада грузится в эшелон, доедем до станции, а потом вернёмся. Времени много это не займёт.

В сопровождении пятерых казаков Елагин и Мухин верхом добрались до посёлка Кинель. Это был типичный небольшой провинциальный городок и одновременно один из самых больших железнодорожных узлов Поволжья. Домики, прикрытые древесной листвой, поредевшей, но приобретшей красочный жёлто-красный цвет, деревянные заборчики вдоль неровных, разбитых улиц и необыкновенная тишина, словно и нет никакой войны, стоявшей всего в нескольких километрах от посёлка.

Конная группа белых неспешно проехала по одной из улиц. Хотели спросить у кого-нибудь, где найти нужный им дом, но на улице никого не встретили. В посёлке вообще было удивительно безлюдно и тихо.

– Вымерли все что ль? – с удивлением оглядывался Мухин. – Какой там адрес?

– Сейчас... Было у меня записано, – Елагин полез в карман гимнастёрки и вытащил сложенный вчетверо листок бумаги.

В это время на другом конце улицы появились несколько конников, которые также неспешно двигались навстречу группе Елагина.

– Кажись, наши, из оренбуржцев, – вглядываясь вперёд, весело сказал один из казаков; он прищипорил коня и поскакал. – Эй, земляки!

Конники на другом конце улицы остановились, и один из них даже призывно махнул рукой, словно тоже признал знакомого. Вдруг выехавший вперёд казак резко осадил коня и остановился.

– Красные! – крикнул он и развернулся.

Хлопнуло несколько выстрелов. Конь споткнулся, упал, и казак полетел на землю. Другие казаки быстро перехватили свои винтовки и открыли ответный огонь. Конники на противоположном конце улицы растворились в соседнем переулке.

– К станции! К станции отходим! – закричал Мухин, отчаянно размахивая револьвером.

Подобрав своего товарища, белые вылетели с улицы и, погоняя лошадей, галопом полетели к станции, где должна была находиться рота охраны. В это время на улицу из переулков уже выплеснулась первая волна красной пехоты. Красные бежали вдоль домов. Остановливаясь, они с колена прицельно стреляли по отступающим казакам. Застучал пулемёт, но группа Елагина успела свернуть на другую улицу и скрылась от пуль неприятеля. Казаки вырвались вперёд, оставив своих командиров позади. Мухин заметил, что конь Елагина замедлил свой бег, а потом и вовсе остановился. Склонившись, Елагин опустил голову на холку коня и держался рукой за свой окровавленный бок.

– До станции доберётесь? – спросил Мухин.

Елагин сделал слабое движение головой, но ничего не смог ответить. Голова кружилась, он тяжело дышал, а из-под пальцев руки, прижатой к боку, сочилась кровь. Елагин мог потерять сознание в любой момент, а рядом были красные – нельзя было терять ни секунды. Мухин помог выбраться Елагину из седла и затащил его во двор ближайшего дома. Кони, лишившись хозяев, испугались близкой стрельбы и ускакали вниз по улице. Мухин успел затворить ворота, как двери дома осторожно приоткрылись, и из-за них выглянула женщина в платке.

– А ну, помоги! – властно приказал Мухин и для убедительности потряс своим револьвером.

Женщина что-то быстро и испуганно запричитала, спустилась во двор и помогла Мухину довести раненого Елагина до дверей.

– Воду, спирт и чистую простынь! – потребовал Мухин, как только они оказались внутри дома и положили истекающего кровью Елагина на скамью около окна.

Женщина суетливо завертелась и, бормоча беспрестанно «Боже ты мой! Боже ты мой!» быстро собрала всё необходимое. Мухин промыл рану водой, а потом, вставив Елагину рукоять своей нагайки меж зубов, стал обильно поливать рану спиртом. Елагин впился зубами в кожу рукояти и глухо замычал, не в силах молча терпеть боль.

– Потерпи, командир, – тихо повторял Мухин. – Потерпи немного...

Он нагрел в печи на огне нож, решительно поднёс его к ране и, сделав аккуратный надрез, вытащил пулю – благо, засела та неглубоко. Елагин ещё крепче стиснул зубы, кусая рукоять нагайки, и застонал. Стоявшая рядом хозяйка дома боялась шевельнуться, со страхом наблюдая за тем, что делал Мухин. Когда всё было кончено, и сплющенный маленький кусок свинца с еле слышным стуком упал на пол, Мухин опять промыл рану Елагина спиртом, разорвал простынь и крепко перевязал командира.

Завершив с этим, он смахнул пот со лба, сел на скамью и огляделся. Только сейчас Мухин заметил, что сверху за ним с интересом наблюдают три пары чёрных глаз. На печи лежали трое ребятишек, любопытство которых пересилило страх и заставило вылезти из-под одеяла. Мухин подмигнул им и улыбнулся.

– Как зовут, чумазые? – весело спросил он.

Вперёд поддался худенький паренёк лет шести, вероятно, самый старший и потому самый смелый из троих.

– Лёшка Мазуров, – ответил он и тут же поинтересовался: – Дяденька, а вы белый?

– Белый, – сказал Мухин.

– А мой папка красный командир! – с горделивым вызовом объявил лохматый паренёк.

Хозяйка всполошилась, с испугом, громко цыкнула на сына и стала жалобно голосить:

– Не слушайте вы его, господин офицер, говорит, сам не знает чего! Не из красных мы, не из красных...

– Замолчи! – нахмурившись, грозно метнул Мухин. – Я с бабами и детьми не воюю.

Хозяйка сразу смолкла, вытерла платком свои влажные, покрасневшие глаза и покорно опустила на скамью около печи.

Скрипнули ворота дома. Мухин осторожно глянул в окно и увидел, что во двор зашёл молодой парень в военной шинели и фуражке со звёздочкой. Повертев головой, красноармеец огляделся, поправил свою висевшую на плече винтовку и бегом направился к крыльцу. Раздался стук.

– Машка, открой! Это я, – послышалось за дверью.

– Брат это, брат мой, – зашептала хозяйка; её круглые глаза застыли в мольбе. – Уйдёт, уйдёт он сейчас... Позвольте, господин офицер, я выпровожу его, сейчас же прогоню.

Мухин молча поднялся и взял со стола нож, которым только что вырезал пулю у Елагина. Хозяйка всё поняла, она отчаянно вцепилась в рукав его гимнастёрки и повисла, сдавленно повторяя:

– Не надо, господин офицер, не надо. Уйдёт он сейчас...

Но Мухин оттолкнул женщину и вышел в сени. Было слышно, как отворилась дверь, как кто-то приглушённо охнул снаружи. Потом всё стихло. Через мгновение Мухин вернулся и сел у окна. В его глазах прыгали безумные, досадливо-злые огоньки; он бросил виноватый взгляд на застывшую в немом ужасе женщину, на детишек, с любопытством и непониманием глядевших на него, и отвернулся. Хозяйка сцепила пальцы рук, уставилась в пол и тихо завывала.

Лёшка Мазуров терялся в догадках, что же произошло. И только много позже лохматый мальчуган понял, что именно в этот момент он потерял своего дядю и, что убийцей его дяди был сидевший у окна немного растерянный офицер с георгиевской ленточкой на фуражке и спрятанным в голенище сапога ножом. Лёшке потом ещё долго снилось лицо этого человека, лицо врага...

Красные в Кинеле задержались ненадолго. Они были выбиты из городка уже через час: белые не могли потерять важную железнодорожную станцию, через которую военные и гражданские эшелоны уходили на восток. Раненого Елагина вывезли в Оренбург вместе с его бригадой.

А через два дня в Кинель теперь уже без боя снова вошли красные. Их низкорослый, в папахе и бурке, широкоскулый и усатый командир, которого все звали Чапаем, громогласно объявил, что с победой красных для трудящихся наступят новые, счастливые времена, а мировая буржуазия и её наймиты с неизбежностью будут повержены.

С падением Самары закончилась и власть КОМУЧа. Всероссийским правительством, объединившим многие местные и национальные властные образования, стала Уфимская директория, которая, несмотря на название, с октября месяца находилась в Омске, подальше от фронта.

Хвальинскую бригаду расформировали, а оставшихся в строю людей распределили по другим боевым частям. Елагин после поправки был направлен в Оренбургскую армию Дутова и возглавил казачью пластунскую дивизию. Начальником штаба этой дивизии был назначен есаул Мухин.

Волею судьбы полковник Елагин вновь оказалась под Уфой, и опять ему поручили организацию обороны города. Но на этот раз он должен был защитить не красную, а белую Уфу.

Не так много времени – какие-то четыре месяца – прошло с тех пор, как Елагин вступил в ряды белого воинства, но он не мог не заметить, что противник стал другим. Красная Армия, состоявшая ранее из отрядов озлобленной голытьбы и размитингованных, уставших от войны солдат, превратилась в организованную и дисциплинированную силу, во главе которой встали мобилизованные Советской властью офицеры. Партизанщина постепенно уходила в прошлое, революционный порыв и контрреволюционный дух трансформировались в повседневное и непримиримое красно-белое противостояние. Война стала приобретать черты полномасштабной массовой гражданской бойни с фронтами, мобилизациями, карательными акциями и безжалостной военной бюрократией, для которой вырванные из мирной жизни люди становились обыкновенным расходным материалом. Человеческие судьбы наравне с единицами вооружения стали цифрами. И теперь тот, кто сможет оперировать бóльшим количеством цифр, имея бóльший математический простор для суммирования и вычитания, тот и должен был в итоге победить.

Новые боевые реалии требовали концентрации усилий. Игра в демократию и лозунги стала раздражать. Во время работы машины уничтожения любое сомнение становилось предательством, сочувствие превращалось в слабость, а всякая нерешительность каралась, и каралась жестоко. Времена цветового смещения и полутонов закончились, новая эпоха требовала решительного размежевания на два цвета: красный и белый.

Свои военные неудачи на востоке белые связывали с неэффективностью и слабостью эсеровско-кадетского правительства. В ноябре военный министр Уфимской директории адмирал Колчак совершил переворот, захватил власть и стал Верховным правителем России. Большинство белых офицеров с радостью приняли это событие. С этого момента любая российская социалистическая идея была объявлена гнилой и порочной; появилась ясная и определённая цель – восстановление единой и неделимой России в бескомпромиссной борьбе с большевиками.

Вместе с новостью о перевороте Колчака в Уфу пришла зима, раскидала белые свои пушинки, покрыв чёрную и мокрую землю тонким покрывалом первого жертвенного снега.

Стоя около окна, Елагин видел, как у крыльца его дома появились двое. Первый – гражданский господин, в чёрном пальто и шляпе, сутулый, с жёлтым, осунувшимся лицом и седо-ватой, жиденькой бородкой; второй – небольшого роста молодой башкир, одетый в военную офицерскую шинель и лохматую папаху. Они потоптались около крыльца, постояли недолго, что-то обсуждая. Башкира Елагин видел впервые, а мужчину в пальто узнал. Это был член ЦК партии эсеров Семён Щайкин. Докурив сигарету, тот дёрнул шнур колокольчика. Дверь открыл бородатый денщик.

– Мы к полковнику Елагину, – объявил Щайкин.

Денщик молча проводил гостей к командиру, с сожалением и досадой бросая взгляд на грязные сапоги посетителей, которыми те беспощадно наследили на только что вымытом и блестящем полу.

– Здравствуйте, Емельян Фёдорович, – с улыбкой приветствовал полковника Щайкин и крепко пожал протянутую руку.

Елагин подождал, пока денщик выйдет из комнаты. Он встретил гостей на удивление холодно.

– Чем обязан?

– Позвольте рекомендовать вам, ротмистр Галиулин. – представил своего товарища Щайкин и чуть тише: – Он доверенное лицо командира Башкирского корпуса Ахмета Рахимкулова.

Сели на стулья. Елагин молча ждал начала разговора, понимал, что он будет нелёгкий. Гости не торопились. Щайкин сидел, закинув ногу на ногу; его бледновато-жёлтая, болезненная кожа лица резко контрастировала с тёмными, живыми, весёлыми глазами. Он осмотрелся с любопытством, вздохнул подозрительно торжественно и многозначительно, видимо, желая подчеркнуть важность того, что сейчас скажет.

– Вы, Емельян Фёдорович, вероятно, получили мою записку? – спросил Щайкин.

– Да, получил, – ответил Елагин.

– Что ж, не будем тогда терять время. Последние события... – начал Щайкин, кашлянул в кулак. – Я имею ввиду переворот в Омске, – сразу уточнил он. – Итак, последние события кардинально изменили ситуацию на востоке страны. Директория сдалась без боя, развалилась как картонный домик, с покорностью освободив место узурпатору. Колчак – диктатор, и он этого совершенно не скрывает, ведя себя соответствующим образом. Уже начались репрессии, многие наши товарищи арестованы. Об Учредительном собрании забыто, о сохранении принципов демократии не может быть и речи, развязан разнузданный монархический террор! В подобных обстоятельствах преступно продолжать служить колчаковскому режиму и ещё более преступно оставаться в стороне от происходящих событий...

Елагин движением руки остановил агитационную горячку своего товарища по партии.

– Как я понимаю, вы что-то предлагаете?

Щайкин быстро встал.

– Да, я предлагаю, – с жаром сказал тот. – И это не только предложение. Если хотите, это призыв! И этот призыв обращён к вам. – Щайкин оперся одной рукой на спинку стула, другую драматически направил в сторону Елагина. – Вы должны возглавить наше выступление!

Елагин недоверчиво посмотрел сначала на Щайкина, потом на его молчаливого спутника-башкира.

– Если я правильно понял, вы говорите о вооруженном восстании? – спросил он.

– Именно! – подтвердил Щайкин. – Необходимо захватить власть в Уфе и Оренбурге и организовать народное правительство, – и по-деловому продолжил: – К восстанию практически всё готово. К нашему выступлению присоединятся части Оренбургской армии Дутова, казахская Алаш-Орда, уральские казаки и Башкирский корпус Рахимкулова. – Щайкин посмотрел на башкира, тот поспешно кивнул в подтверждение сказанного. – Этим сил вполне хватит, чтобы свергнуть диктатора и установить народную власть в регионе. В новом правительстве мы хотели бы предложить вам, Емельян Фёдорович, пост военного министра и командующего вооружёнными силами. Ваш авторитет среди военных весьма высок, и без вас мы не сможем победить. Вы должны помочь нам, помочь народу, помочь демократии!

Щайкин сел на место, он сказал всё, что хотел. Наступила неуютная тишина. Елагин молчал, уставившись куда-то вниз. Он смотрел стеклянным, невидящим взглядом на широкую деревянную половицу в углу комнаты и о чём-то размышлял. Заговорщики терпеливо ждали ответа.

– Скажите, решение о вооружённом восстании – это решение ЦК партии эсеров, или это ваша личная инициатива? – неуверенно спросил Елагин, подняв глаза.

– Это инициатива группы товарищей из ЦК, – быстро и несколько уклончиво ответил Щайкин, и немного с обидой: – Но если вам необходимо письменное подтверждение моих полномочий...

– Нет, нет, я не о том, – отмахнулся Елагин. – Просто, если это было решение ЦК, согласуясь с партийной дисциплиной, я должен был бы прежде выйти из партии, а потом ответить вам отказом.

Щайкин насупился.

– И как понимать ваши слова? Вы отказываетесь?

– Да, – ответил Елагин. – И, как командир дивизии, сделаю всё, от меня зависящее, чтобы мои подчинённые не участвовали в этой аванюре.

Щайкин снова в волнении поднялся и стал за спинкой стула, вцепившись в неё руками.

– Так-так, – глухо, с нескрываемым разочарованием и злостью пробубнил он и бестолковым движением пальцев подёргал себя за кончик носа. – Так-так, понятно... И полагаю, вас переубеждать бессмысленно? – В последнем вопросе послышалось нечто вроде слабой надежды; Щайкин нервным движением закинул руки за спину, сделал два шага направо, потом обратно. – Но почему?! – почти в отчаянии воскликнул он и театрально взмахнул рукой. – Вы не можете не видеть, что монархисты и Колчак ведут белое движение к катастрофе! Крестьянский наш народ не пойдёт за ними, он узнаёт в них царское прошлое, от которого все уже успели устать и отречься, и возвращаться к которому по собственной воле никто не собирается. Нам, социалистам, надо брать власть в свои руки. Это наш последний исторический шанс! Если мы им не воспользуемся, Россия погибнет, Россию раздавят в тисках гражданской войны красные и белые тираны!

Призыв не был услышан. Елагин опять отрицательно покачал головой. Щайкин был откровенно озадачен этой удивительной категоричностью своего товарища по партии и не скрывал разочарования.

– Но почему? – опять протянул он. – Ведь вы же всегда боролись с тиранией, вы зарекомендовали себя как твёрдый сторонник и защитник социалистических идей... Я не понимаю, что изменилось.

– Изменилась Россия, – откликнулся Елагин. – Теперь она может быть либо полностью красной, либо полностью белой. Компромисса быть не может, точнее, компромисс может быть только один – смерть России и разделение её на многие государства. Ваше восстание, если

даже и будет успешным, лишь увеличит шансы на победу одной из сторон – красной. Если по какой-то непонятной причине большевики не смогут воспользоваться подобным подарком, ваше успешное выступление спровоцирует распад восточных областей России на множество полугосударственных национальных образований и ударит в спину белому движению. В любом случае армия, в которой я служу, проиграет, а этого я, как офицер и командир, допустить не могу и не хочу.

Разговор был окончен. На прощание Щайкин лишь хмуро буркнул непонятно, то ли с угрозой, то ли с сожалением:

– Вы совершаете ошибку.

Через два дня Елагин был арестован. В штаб сопровождаемый солдатами комендантской роты пришёл начальник уфимского гарнизона есаул Ситников, бывший командир той самой казачьей сотни, которая в составе Хвалынской бригады воевала летом и осенью в Поволжье. Всегда ранее бравый и решительный, теперь неуверенный и сомневающийся, Ситников долго топтался на месте, путано объяснял причину своего появления, пока не выдавил смущённо:

– Командующий армии... Дутов сейчас по телеграфу из Оренбурга приказал мне арестовать вас, Емельян Фёдорович... Я думаю, это какая-то ошибка.

Из группы офицеров выдвинулся Мухин, прикрыв собой Елагина.

– Что за бред?! Что вы себе позволяете?! – воскликнул он.

Но Елагин не дал себя защитить.

– Не стоит, Сергей Александрович, не стоит, – мягко отстранил он начальника штаба. – Я должен пройти с есаулом. Уверен, мы сейчас во всём разберёмся. Это недоразумение, совершенно точно, недоразумение.

Отобрав оружие, Елагина посадили под домашний арест. Он это ожидал и готовился к встрече с уполномоченным лицом из штаба армии, которое и должно было всё прояснить. Однако, его объяснения, по крайней мере, объяснения, данные в Уфе, никому не понадобились. Уже вечером под охраной его спешно отправили в Оренбург. Там он был определён в узкую и тесную одиночную камеру в подвале какого-то здания, служившего местным арестантским домом. В этом помещении без всякой определённости Елагин провёл два дня. На третий день отвели в кабинет, где его ждал контрразведчик, вальяжный и медлительный капитан с тёмными, маслянистыми глазками и прилизанной косой чёлкой.

Контрразведчик демонстративно долго в шуршащем молчании изучал какие-то бумаги у себя на столе, потом закурил папироску и откинулся на спинку кресла. Небритый, осунувшийся Елагин сидел на неудобной табуретке посреди комнаты и покорно ждал начала допроса. Однако контрразведчик совершенно не торопился начать его, явно пытаясь сохранить тягучую неопределённость и показать своё нынешнее превосходство над старшим по званию офицером. Так прошло некоторое время, пока в комнату не заглянул урядник в папахе.

– Вашбродие, доставили, – буркнул он в окладистую бороду.

Капитан небрежно махнул рукой, мол, – «вводи». В комнату втокнули избитого мужчину в разорванной гимнастёрке. Руки связаны за спиной, на пол-лица у арестанта растёкся огромный синяк, правый глаз полностью скрылся под мешком опухшего века.

Контрразведчик показал рукой на арестанта.

– Емельян Фёдорович, вы узнаете этого человека?

Елагин ещё раз окинул мужчину внимательным взглядом. Возникшие было сначала сомнения исчезли.

– Да, я знаком с ним, – ответил Елагин. – Мне его представили как ротмистра Галиулина.

– А вы, господин Галиулин, – обратился контрразведчик к заключённому, – знаете этого человека? – и ленивый кивок в сторону Елагина.

– Д-да, – заикаясь, промычал Галиулин и опустил голову. – Это п-полковник Елагин.

– Что вы можете показать об участии полковника Елагина в антиправительственном заговоре?

– Ничего, – тихо ответил Галиулин; слова ему давались с трудом. – Полковник Елагин в 3-заговоре не участвовал.

– Вы уверены?

– Да... Он о-отказался.

Капитан удовлетворённо кивнул и дал знак уряднику увести башкира.

Как только они с Елагиным остались вдвоём, контрразведчик спросил, записывая что-то на бумаге:

– Вы знаете, где может находиться ваш знакомый, красный провокатор Щайкин?

– Нет, – откровенно ответил Елагин.

Капитан понимающе кивнул, потом фальшиво, с неким превосходством осклабился, вложив в свою ухмылку высокомерие милости.

– Однако очень нехорошо, что вы, Емельян Фёдорович, вовремя не сообщили о готовящемся заговоре. – Он с укоризной покачал головой. – Но на этом всё. Теперь вы свободны.

Елагин смешался.

– То есть как?.. Свободен?

– Мы выяснили все обстоятельства дела и не смеем вас больше задерживать. – Капитан встал с кресла. – Можете сказать «спасибо» своему денщику. Если бы не его постыдное любопытство, слова ротмистра Галиулина вряд ли кто смог бы подтвердить... Впрочем, с денщиком я бы всё-таки распрощался: не хорошо, что слуги подслушивают своих хозяев.

Готовый ко всему, даже самому плохому развитию своего дела, Елагин не сразу смог осознать услышанное, теряясь во вдруг нахлынувших чувствах и мыслях.

– Я могу беспрепятственно вернуться в Уфу?..

Капитан поправил двумя пальцами свою прилизанную чёлочку.

– Нет, – сказал он. – Вы сняты с командования дивизией приказом Дутова, и вам предписано явиться в штаб армии за новым назначением.

Уже в дверях Елагин обернулся.

– Простите, но я так и не узнал, с кем имел честь...

– Лучинский, – сказал капитан отрывисто. – Моя фамилия Лучинский.

В штабе Елагина ждал приказ об увольнении из армии. Дутов сказался занятым и не смог встретиться с полковником, и приказ тому передал один из адъютантов командующего Оренбургской армии. Белое движение избавлялось от нелояльных или подозрительных офицеров. И то, что Елагин был просто уволен из армии, а не попал за решётку или был казнён, стало его личной удачей или подтверждением его бывших заслуг. Адъютант был немногословен и холоден, он передал личную рекомендацию атамана Дутова: «Командующий просит вас уехать, как можно скорее, и как можно дальше, лучше всего, за границу. Он сказал, что в следующий раз уже не сможет вас уволить, а значит, расстреляет».

Под конвоем Елагина отправили на вокзал. Вечером он сидел в переполненном поезде, везущем его из Оренбурга на восток, слушал мерный стук колёс и тусклым застывшим взглядом окунался в синеватую темноту уральской ночи. Ночь разливалась за дребезжащим окном вагона, поглощая в себя всё окружающее пространство. Елагин уже подспудно подозревал, он чувствовал, но не хотел верить в то, что прощается с Россией очень надолго или даже навсегда.

Берлин, сентябрь 1929 г.

Пансион фрау Мюллер был не самым лучшим из тех мест, где довелось жить Елагину в Берлине, но у этой обители было одно немаловажное достоинство – невысокая стоимость

аренды комнаты. В ситуации, когда каждая марка на счету, а доходы весьма малы и эпизодичны, выбирать особо не приходилось.

Честности ради, надо было сказать, что доходы в последнее время были не просто малы, а совершенно мизерны и состояли почти полностью из гонораров за статьи в эмигрантской социалистической прессе. Изданий, однако, становилось всё меньше, а статьи Елагина печатали всё менее охотно. Широкое и кипучее обсуждение судеб России постепенно сходило на «нет», затихало; на авансцену эмигрантской жизни выходили новые проблемы нового мира, каждый устраивался в Европе как мог, не полагаясь более на ставшее призрачным возвращение на родину. Эмигрантское мнение звучало всё глуше, становилось всё менее востребованным, росло осознание того, что Советская Россия – это такое «временное» явление, которое с лёгкостью переживёт ещё ни одно «вечное». Будучи казаком по рождению и военным по профессии, прошедший полжизни в походах и боях, Елагин с трудом привыкал к мирной повседневности и её будням, он искал и не мог найти своё место в другой, а точнее, чужой, заграничной, жизни.

После изгнания из рядов белого движения в памятном восемнадцатом Елагин ещё надеялся, что всё изменится, что его военный опыт и умения могут пригодиться. Но стойкое неприятие его со стороны белого руководства и вполне реальная угроза лишиться жизни заставили Елагина покинуть страну. Он выехал в Харбин, но там надолго не задержался. Получив финансовую помощь от партии эсеров, он отправился в США. Прибыв в Сан-Франциско, он пересёк всю Америку с запада на восток и несколько месяцев жил в Нью-Йорке. Но и Соединённые Штаты не стали той пристанью, где Елагин смог остановиться. В середине девятнадцатого года он был уже в Париже. В ту пору белая эмиграция была ещё малочисленна. Казалось, вот-вот и большевики будут опрокинуты, Россия избавится от невразумительного своего коммунистического правления, а там произойдёт настоящий русский выбор – новая контрреволюционная диктатура или демократическая республика. Елагин готов был делать всё, чтобы на волне разочарования шанс новой демократии не был потерян и навсегда отброшен в сторону как совершенно ненужный и непригодный инструмент русской власти. Он надеялся на мудрость народа и никак не мог поверить, что тот согнёт свою шею под новое ярмо. В двадцать первом году, когда вспыхнул Кронштадтский мятеж, Елагин бросился в Финляндию, собрал там отряд добровольцев и готов был по льду перейти на территорию России, чтобы помочь восставшим. Однако было поздно, восстание быстро подавили, и ещё одной вполне реальной опасностью для большевистской власти стало меньше.

Елагин ещё на что-то надеялся, он принимал участие в деятельности социалистической эмиграции, редактировал один небольшой журнал в Париже, пока тот благополучно не закрылся ввиду отсутствия средств. Елагин участвовал в собраниях и съездах разных эмигрантских организаций, был не раз привлечён к попыткам организовать антибольшевистские выступления, которые, впрочем, никак не доходили до логического финала. Он активно хотел изменить окружающую его действительность, но реальность шагнула далеко вперёд, и скоро все заграничные социалистические организации превратились в некое подобие мелких клубов по интересам, которые совершенно не согласовывались с ситуацией и могли лишь сторонним взглядом наблюдать за тем, что происходило там, в чужой теперь Советской России. Отторгнутый от родины, российский социализм, честно победивший в семнадцатом на выборах в Учредительное собрание, ещё недавно такой мощный и массовый, благополучно умер, оставив после себя только небольшие участки тления...

В дверь постучали. Стук торопливый, громкий, настойчивый – невозможно было не узнать призывный сигнал фрау Мюллер. Елагин открыл глаза и протёр их ладонью, разогнав остатки дрёмы; он лежал на кровати одетый и ждал этого стука вот уже полчаса... Стук повторился.

– Господин Елагин, к вам пришёл посетитель, – высоким, писклявым голосом пропела фрау Мюллер за дверью.

– Иду, – ответил он хрипло и услышал, как важно и деловито процокали удаляющиеся каблучки фрау Мюллер.

Елагин сел на кровати. Глаза упёрлись в небольшое зеркальце, стоявшее на столе: заспанное, серое, исхудавшее лицо, впалые щёки, пустые глаза и прямой нос, показавшийся вдруг необычайно длинным и острым. «Как у покойника», – вдруг промелькнула глупая, шальная мысль у Елагина. Он ей печально улыбнулся и увидел, как в зеркале у двойника зло и безразлично скривились тонкие губы, и блеснули усмешкой тёмные глаза.

Вспомнив, что его ждёт человек, Елагин быстро встал и машинально, по неистребимой военной привычке, одернул вниз пиджак, потом схватил с тумбочки одежную щётку и поспешно прошёлся по рукавам и лацканам, сбрасывая невидимую пыль и выглаживая помятости.

Около входной двери Елагина ждал молодой человек в аккуратном костюме; в руках он держал кожаную фуражку.

– Я шофёр господина Горохова. Мне поручено отвезти вас к нему, – с вежливой улыбкой, слегка склонившись вперёд, сообщил немец.

На улице Елагина ждал чёрный «мерседес», водителем которого и был вежливый немец. Не без ребяческой гордости Елагин бросил украдкой взор на окна дома – наблюдает ли за ним любопытная фрау Мюллер, – убедился, что наблюдает, и довольный, с некоторой театральной вальяжностью и напыщенностью, пусть смешной и мальчишеской, но такой приятной, погрузился на заднее сидение. Шофёр любезно закрыл за ним дверцу, и они поехали к Горохову.

Их абсолютно случайная встреча произошла вчера. В центре города на улице Елагин вдруг заметил, что за ним пристально наблюдает небольшого роста богато одетый господин. Это было тем более подозрительно, что Елагин совсем не мог припомнить этого человека, хотя всегда гордился, что память на лица у него была хорошая. Господин недолго наблюдал за Елагиным, скоро он подошёл к нему, с улыбкой схватил за руку и стал трясти.

– Не узнали? – расхохотался неизвестный. – Я Горохов. Припоминаете? Нет? Лето восемнадцатого, Хвалынская бригада...

После этих слов, позвучавших словно пароль, Елагина осенило: перед ним стоял командир отряда балаковских мужиков – Горохов! Только узнать его было совсем не просто – исчезла окладистая большая борода, лицо было чисто выбрито и потому казалось, что немецкий Горохов по прошествии одиннадцати лет был даже младше того, самарского Горохова.

Радость у обоих была искренняя. Потрясая друг друга за плечи, они условились встретиться завтра и поговорить обстоятельней. «К пяти я пришлю шофёра, – объявил Горохов и повторил, строго подняв указательный палец: – К пяти, не забудьте».

Всю дорогу Елагин вспоминал, как же зовут Горохова: «Терентий Иванович или Терентий Ильич?» – гадал он. Было ужасно неловко, но прошло столько лет... «Мерседес» мягко подкатил к ресторану. Шофёр вышел из машины, открыл дверцу, выпустил пассажира и проводил его до входа. Елагин был несколько сконфужен такой непривычной услужливостью. Внутри его встретил Горохов: низкорослый, плотный, ухоженный, в шикарном костюме – ни дать, ни взять, европейский толстосум-капиталист с достойными и ленивыми повадками. Они дружно обнялись, и Горохов махнул рукой в сторону зала.

– Пройдёмте, Емельян Фёдорович, пройдёмте к столу.

Как только вошли в зал, запрыгали, засуетились официанты, предлагая то одно, то другое. Елагин, отвыкший уже от богатых мест, смущённо кивал и всё пытался незаметно прикрыть рукавом потрёпанный свой манжет с ободраным краешком.

– А про вас так много говорили, – сказал Горохов. – Разные слухи ходили. Одни утверждали, что Дутов вас расстрелял за измену, другие – мол, красные с вами расправились. А вы, вот, назло им всем, живы и здоровы. Очень я рад!.. Ну, рассказывайте, командир, «как», «что»?

Елагин пожал плечами.

– Ничего интересного. В ноябре восемнадцатого меня уволили из армии и заставили покинуть Россию, а там всё как у многих: через Харбин, США во Францию, а года три назад переехал в Берлин.

– Всё политикой балуетесь, небось? – с хитрым прищуром поинтересовался Горохов; в его словах скользнул укор, а, может, и некое подобие сочувствия к безнадежному и ничемному делу.

Елагин сразу не нашёлся, что ответить. Он грустно улыбнулся и неопределённо пожал плечами, словно стесняясь своих нынешних публицистических занятий, которые явно в сравнение не идут с его боевым прошлым.

– Уже не изменить ничего, – вздохнул Горохов. – Ушла Россия, нет её... Умерла. Тосковать, печалиться по ней можно, но вернуть уж никак нельзя.

– Я не скучаю по прошлой России, – ответил Елагин. – Просто я не согласен с судьбой России нынешней и мечтаю о лучшей участи для России будущей.

– Ну-ну, – с сарказмом промолвил Горохов и протянул печально: – Мечтатели... То-то и оно, привыкли все мечтать и мечту свою былью мастерить, а выходит-то всё не так. Да и не может по-другому выйти. О себе надо думать, а не о судьбах страны... Вот я, русский мужик, о себе подумал. – Горохов обвёл рукой вокруг себя, показывая на окружающую обстановку. – Мой ресторан, – объявил он протяжно, с явной гордостью. – Но это не главное. Есть у меня ещё несколько магазинов и пара предприятий. – Про «предприятия» было сказано чуть тише и с довольной, заговорщической улыбкой. – А ведь кем был? Мужик убогий, неотёсанный, а теперь – германский коммерсант и небедный!

– По правде сказать, я тоже и удивился, и обрадовался вашему новому перерождению. Не всем нам, изгнанникам, так повезло, – с грустью заметил Елагин.

Горохов отрицательно покачал головой.

– Совсем нет, не везение это. Просто я обыкновенный русский мужик, который хочет не только выжить, но и жить. И если уж появилась новая родина, надо использовать и новые её возможности.

– Но как вы здесь, в Берлине?

– Бежал, – коротко ответил Горохов. – После того, как Хвальинскую бригаду расформировали, многие балаковцы уходить на восток вместе с белыми отказались. Мы не могли бросить семьи, хозяйства, потому и разошлись по домам. Надеялись, что красные забудут... Не забыли. Прислали какого-то комиссара с охраной, чтобы, значит, отделил зёрна от плевел. Мы ждать не стали – пристроили его в его большевистское чистилище вместе со всей охраной, а сами сбежали с Волги. Я с семьёй обустроился в Ярославле у двоюродного брата. Только и тут меня в покое не оставили. В двадцатом призвали в Красную Армию. – Горохов рассмеялся. – Да-да, представьте себе, пришлось и за красных повоевать! Хорошо хоть не пронюхали, что я был белым добровольцем, а то не говорили бы мы уже с вами... Так вот, отправили меня рядовым на польский фронт. Под Варшавой, когда красных там здорово потрепали, я сбежал. Шатался дезертиром по Польше, очень боялся попасть в плен, скрывался ото всех, бродяжничал, потом перебрался в Германию. Здесь я и нашёл свою судьбу. Помог одним людям, они устроили меня на работу. Вырос, закрепился, а теперь уважаемый бюргер... Только вот с языком вечные проблемы. – Горохов поморщился. – Никак не могу освоить на должном уровне их твяканье, приходится держать секретаршу-переводчицу.

– А как же ваша семья? Она здесь, в Германии? – спросил Елагин.

Горохов помрачнел.

– Нет, – глухо отозвался он и опустил голову. – Они остались в Ярославле: жена, сын и дочка... Все в России. – Горохов нервно барабанил пальцами по столу. – Даже ничего не знаю о них. Вот уже девять лет прошло.

– Надеюсь, вам удастся их увидеть, – сочувственно произнёс Елагин, понимая, что говорит о неоправданных, фантастических вещах.

Они помолчали. Елагин, ожидая, поглядывал на Горохова; тот как будто ушёл в себя и, отвернувшись в сторону, смотрел мимо него невидящим задумчивым взглядом. Возвращение к разговору было достаточно неожиданным для Елагина.

– А у вас есть дети? – вдруг спросил Горохов, резко повернувшись к тому.

– Я не был женат, и у меня нет детей, – признался Елагин.

– Как же вы так? – удивился Горохов.

Елагин чуть сдвинул брови и кашлянул.

– Не пришлось, – ответил он с некоторой неловкостью за своё холостое положение.

– И сколько же вам лет?

– Сорок три года.

Горохов не без укоризны покачал головой.

– Однако стоит вам подумать об этом, остепениться как-то... Возраст, всё-таки, обязывает.

Взгляд Горохова скользнул куда-то за спину Елагина, глаза бывшего командира балаковцев вмиг ожили и подобрели. Елагин обернулся: к их столику приближалась элегантная дама в сером костюме. Она подошла ближе: каре тёмных волос, открытый взгляд чёрных глаз, немного смущённая полуулыбка. Елагин поднялся из-за стола.

– Позвольте представить, – произнёс Горохов, – Серафима Васильевна Окунева, мой секретарь.

Елагин озадаченно взглянул на женщину, потом на Горохова – фамилия была знакома, но... возможны ли подобные совпадения?

– Это вдова капитана Окунева, погибшего в Вольске, – развеял все сомнения Горохов. – Вы помните капитана Окунева, командира роты самарцев?

В голове словно привидения прошлого всплывали образы лета-осени восемнадцатого: штурм Вольска, гибель самарцев, станция Кинель, несостоявшаяся встреча с вдовой, ранение...

– Да-да, конечно помню, – с волнением сказал Елагин, видя, что пауза неестественно затянулась.

Тот вечер прошёл в тёплом, дружеском общении, он был посвящён российским воспоминаниям изгнанников, но Елагин так почему-то и не решился рассказать о своей роковой поездке в Кинель, к Серафиме Окуневой. В тот день она об этом так и не узнала.

Что ни говори, а вся жизнь, словно в опровержение любых закономерностей, соткана из случайностей, которые нанизываются на нить существования и создают саму реальность. Об этом думал Елагин на следующий день после встречи с Гороховым. Меряя шагами свою небольшую комнатёнку, он вспоминал прошедший день, который раз удивляясь встрече со своим бывшим подчинённым и женой погибшего сослуживца. Красная пуля отсрочила знакомство с Серафимой Окуневой на одиннадцать лет. Что это было? Случайность? Вероятно, да. Но именно случайности и конструируют человеческий феномен под названием судьба.

Во второй половине дня к Елагину приехал шофёр Горохова. Он привёз пухлый конверт, сказал, что хозяин просил передать некое письмо и тут же поспешно удалился, опасаясь ненужных вопросов. Внутри оказались деньги, тысяча марок, – совсем немаленькая сумма! – и никакой записки.

Высыпавшись из разорванного конверта, марки образовывали живописный веер на столе, они притягивали взгляд. Елагин сначала с тоской и смятением смотрел на деньги, потом стал совершать ритуальные кружения вокруг стола, словно стараясь побороть в себе волной накрывшее его жуткое сомнение. Эта сумма, вероятно, была не так значительна для Горохова, но Ела-

гину она могла сильно помочь. «Взять!» – радостным чёртиком быстро постановила нужда. «Взять?» – колебалась душа. «Взять!» – настаивала нужда, приводя решительные и логичные аргументы «за». «Нельзя этого делать», – вздыхала разочарованно душа, но не могла достойно противостоять своей визави: она просто чувствовала, что могла потерять что-то ценное мгновенно и безвозвратно. Руки бережно подняли цветные купюры, перебрали их, разложили каждую отдельно, потом резко собрали и нервно спрятали в конверт. Елагин засунул конверт в карман пиджака, надел шляпу и быстро вышел на улицу. Решено: деньги следует вернуть!

Офис Горохова он нашёл без труда. Около входа с небольшой металлической вывеской «Gorohoff & Lantz» Елагин недолго постоял, проверил, на месте ли конверт, лежавший во внутреннем кармане пиджака, а потом зашёл внутрь. Швейцар встретил его неприветливо. Елагин представился и сказал, что к Горохову, тогда швейцар поднял трубку стоявшего рядом телефона и доложил кому-то о прибытии гостя. Получив разрешение впустить посетителя, он, теперь с притворным, но хорошо натренированным радушием, подробно объяснил, как найти кабинет Горохова.

Фирма бывшего командира балаковцев занимала весь первый этаж дома. Узкий и длинный коридор, зажатый с обеих сторон рядами почти одинаковых дверей, упирался в стену и поворачивал направо. Елагин дошёл до поворота и заметил ещё одну дверь с блестящей, жёлтого цвета табличкой, на которой было выгравировано «Gorohoff». Рука на какое-то мгновение застыла на ручке двери, потом нажала и толкнула её. Елагин вошёл внутрь и оказался в большой приёмной. За столом секретаря сидела Серафима Окунева.

– Добрый день, Емельян Фёдорович, – с искренней улыбкой приветствовала она его.

– Добрый день, – ответил Елагин, немного замялся. – Я, в общем-то... Терентий Иванович сможет меня принять сейчас?

– Его нет, – с сожалением сказала Серафима, – он в отъезде и будет только дня через два.

«У неё очень красивые высокие брови», – отметил про себя Елагин вдруг бросившуюся в глаза деталь и смущённо улыбнулся. Стоя около дверей, он переминался с ноги на ногу, кидал отчего-то стыдливые взгляды в сторону Серафимы и раздумывал, можно ли сказать ей о конверте с деньгами или стоит всё-таки дожидаться приезда Горохова, а значит прийти сюда снова через несколько дней. Скользя взглядом по светлому и широкому помещению приёмной, Елагин обратил внимание на высокую вешалку в углу комнаты, где на плечиках висел военный мундир чёрного цвета и чёрное же кепи, на котором в виде кокарды заметна была адамова голова – белый череп и скрещённые кости.

– Одна из политических партий разместила заказ на пошив форменной одежды для своей охраны. Это образец, – пояснила Серафима, перехватив любопытствующий взгляд Елагина, и добавила со значительностью в голосе: – Наша фирма занимается и шитьём костюмов.

– Судя по цвету формы и кокарде на кепи, ребята настроены весьма решительно, – сказал Елагин.

– По мне так это больше похоже на маскарад, – улыбнулась Серафима. – Впрочем, у вас, вероятно, важное дело к Терентию Ивановичу. Но, возможно, я могу чем-нибудь помочь?

– Я, видите ли, – Елагин запнулся. – Не знаю, могу ли я говорить с вами по этому вопросу... Для меня это стало сегодня полной неожиданностью...

– Вы о деньгах? – прямо спросила Серафима, показав свою полную осведомлённость. – Это я по поручению Терентия Ивановича отправила вам сегодня конверт.

У Елагина запершило в горле, он прокашлялся.

– Однако он не мог быть должен мне, – склонив голову, сказал Елагин, он боялся кого-либо обидеть и быть неправильно понятым. – А если он хотел мне чем-то помочь... В общем, я не могу взять эти деньги. – Последние слова дались с большим трудом; Елагин вынул из кармана конверт и протянул его Серафиме. Но она даже не подняла руки, чтобы принять конверт. Ответ Серафимы был быстр и краток.

– И я не могу этого сделать.

Елагин смутился ещё больше. Теперь, по его мнению, с протянутой рукой, в которой был зажат конверт, он выглядел особенно нелепо.

– Вы уж извините, Емельян Фёдорович, – смягчила свой твёрдый ответ Серафима. – Забрать эти деньги у вас сможет только Терентий Иванович.

Елагин понимающе кивнул и с неуклюжей поспешностью убрал конверт обратно во внутренний карман пиджака. Он торопился уйти, вероятно, стеснённый своим положением горделивого просителя, но уже в дверях Серафима его остановила:

– Емельян Фёдорович, постойте секундочку. – Её тёмные глаза блеснули непонятым ожиданием. – Вы не заняты сегодня вечером? – спросила она и поправила волосы, определив непослушную прядь на своё место, – У меня есть два билета в синематограф на фильм «Метрополис», – спохватилась на всякий случай: – Вы не видели эту ленту?.. Подруга, знаете ли, не сможет пойти со мной, приболела. А одной совершенно не хочется... Не составите компанию?

Елагин повертел ручкой двери, словно проверяя плавность её движения.

– А почему бы нет, – сказал он после короткого раздумья. – Я ведь абсолютно свободен сегодня.

Елагин боялся спугнуть судьбу и потому соврал, что фильм ранее не видел. А ведь он не только смотрел «Метрополис», но тот ему ещё и активно не понравился тогда полгода назад. Футуристические кинозарисовки с революционным ожиданием скорее были похожи на его прошлое, чем говорили о будущем. Странно, но в этот раз он смотрел ленту совсем другими глазами. Социальные предсказания фильма его больше не трогали, на первое место вышла сила и самоотверженность простых человеческих чувств. Вероятно, это и было то самое главное, что он благополучно пропустил полгода назад.

После синематографа они медленно шли по вечернему Берлину, дышали вечером. Елагин вдруг поймал себя на мысли, что хоть он, непривычный к близкому женскому присутствию, и робел в обществе Серафимы, ему сейчас было уютно и по-особенному спокойно. Говорить не хотелось, а хотелось так просто идти по улице и чувствовать тихое внимание другого человека. Ведь Елагин так соскучился по простому вниманию. Вся его жизнь была наполнена явной или тайной борьбой, она была чередой военных состояний и содержала в себе постоянную готовность к столкновению и смерти. И когда наполненность существования действием и риском исчезла, собственная жизнь представилась Елагину абсолютно пустой и бессмысленной. Именно в эмиграции впервые так явно и остро он прочувствовал своё одиночество и заброшенность...

– Вам не понравился фильм? – осторожно спросила Серафима, заглядывая в глаза Елагина.

– Совсем наоборот, – ответил тот и мягко улыбнулся; и сейчас он ни её, ни себя не обманывал.

Неуютная пауза могла затянуться, и потому, преодолевая робость, Елагин нескладно поинтересовался, словно палочку-выручалочку вытянув глагол из вопроса Серафимы:

– Вам нравится Берлин?

– Совсем наоборот, – ответила Серафима.

Они рассмеялись. Скванность, провоцируемая короткостью знакомства, растаяла, быстро рассыпалась как песочный замок.

– Мне больше нравится Париж, – пояснила Серафима. – Я жила там несколько лет.

– Я тоже жил в Париже, – произнёс Елагин, – и согласен, что он красивый город. Однако Париж мне показался более чужим, чем Берлин. – Елагин пожал плечами, – Вероятно, оттого... – и запнулся, не решившись продолжить; пришедшее на ум объяснение показалось ему излишне выспренным, показным, отчего-то совершенно неестественным.

– Вы хотели сказать, что Берлин ближе к России, чем Париж, – произнесла Серафима.

Точная догадка спутницы сразила Елагина. Он смешался, пряча своё волнение под оправдывающейся улыбкой.

– Я боялся этого сравнения, – сказал Елагин, его худые руки в нервной зябкости стали поглаживать друг друга. – Дело в том, что той, прошлой России, о которой можно было говорить, уже нет. И потому нельзя быть к ней ближе или дальше. Мы о той России ещё помним, но она уже умерла, как умерли когда-то Эллада, Рим, Византия. Появилось нечто иное, новое, совершенно непонятное, родилось оно в ужасных муках, в крови, и что будет с ним – не ясно. Но это другое, это не наша Россия.

Серафима решительным движением руки поправила непослушную прядь волос, выбившуюся из-под шляпки.

– Вы разочарованы поражением белого движения, но не стоит всё случившееся воспринимать как кончину России, – сказала она, наклонила голову и пристально посмотрела на Елагина, её глаза светились нежным женским сочувствием, удивительным образом вобравшим в себя категоричность, благодарность и гордость; Серафима добавила: – Я никогда не смогу согласиться с тем, что смерть моего мужа была бессмысленной. Я никогда не поверю, что Россия, ради которой он добровольцем пошёл на войну и погиб, исчезла безвозвратно... У меня есть сын. Я хочу, чтобы он верил в то, что его отец погиб не напрасно.

Елагин почувствовал себя виноватым, он не нашёлся, что ответить, и потому лишь молча склонил голову, продолжая неспешно идти вперёд. Так шли они недолго.

– Вы видели, как погиб мой муж? – прямо спросила Серафима и с надеждой вновь заглянула в глаза Елагина. – Мне рассказывали в общем-то, – с неловкостью сказала она, будто оправдывалась за свой интерес. – И Терентий Иванович... и другие люди, но... ведь вы были командиром.

– Он погиб в бою, – коротко ответил Елагин.

– Его убили красные?

– Да.

– Его расстреляли?

– Он погиб геройской смертью, – сказал Елагин. – И вы, и ваш сын можете им гордиться. Он был прекрасным человеком, честным и храбрым офицером, настоящим воином.

Ну, вот, со вздохом облегчения решил про себя Елагин, принятое на себя когда-то обязательство ныне можно считать выполненным – он рассказал о смерти своего подчинённого. Подробности гибели капитана Окунева Елагин твёрдо решил не раскрывать – не стоит женщине, тем более, матери, знать о жестоких нравах самой ужасной из войн – гражданской войны. Серафима всё поняла, она прекрасно осознавала, что её хотят оградить от напрасной теперь боли прошлого.

Они скоро дошли до высокого многоквартирного дома, в котором жила Серафима.

– Я так благодарна вам, Емельян Фёдорович, – сказала она на прощание.

– Нет, нет, – запротестовал, словно спохватившись, Елагин, – Это я вас должен поблагодарить за прекрасный вечер.

«Какие удивительно красивые брови», – снова подумал Елагин, разглядывая чуть раскрасневшееся от вечерней прогулки лицо женщины. Они постояли в молчании, и только когда Серафима уже развернулась, чтобы зайти в подъезд, он, смешно дыша носом и волнуясь, всё-таки решил.

– Позвольте, Серафима Васильевна, в качестве ответного жеста пригласить вас куда-нибудь... завтра, к примеру.

Она согласилась.

– Так завтра вечером? – с мальчишеским смущением и жаром переспросил Елагин.

Серафима снова согласно кивнула и улыбнулась мило и открыто.

Москва, сентябрь 1929 г.

Когда он очередной раз упал в обморок, его быстро привели в чувство, окатив из ведра. Вода отбросила голову назад и заставила тело, согнувшееся на боку в позе эмбриона, перевернуться на спину. Он распластался на мокром и холодном каменном полу, а перед глазами крутились, прыгали, расширяясь и сужаясь, голодные, бессонные круги.

– Пришёл в себя? – сквозь дымку слабого понимания донёсся голос откуда-то справа из угла.

– Вроде, да. Глаза открыл, – сообщила большая тёмная фигура, склонившаяся над распростёртым на полу телом. – Эй, слышишь меня? – поинтересовалась нависшая тень с ведром в руке; болезненный удар носком сапога в бок. – Вставай, сволочь! Слышишь?!..

Да, он слышал, но подняться сам был уже не в состоянии. Трудно было в этом избитом, обессиленном, но живом ещё человеческом существе узнать красного командира, бывшего начальника штаба армии, бывшего преподавателя военной академии Михаила Степановича Шмелёва. Советская власть никогда его особенно не любила, хотя он всегда честно служил ей, воевал за неё на фронтах гражданской войны, побеждал для неё и сделал очень многое для превращения Красной Армии из неорганизованной и озлобленной вооружённой толпы в дисциплинированную, эффективную боевую силу молодой республики. Его преданность и усилия были так необходимы в военное время, но, оказалось, что заслуги его мало что стоили, когда угроза уничтожения большевистской власти стала не так актуальна.

Первый раз Шмелёва арестовали в двадцатом году сразу после бездарно проигранной польской кампании. Тогда многие бывшие офицеры, служившие в Красной Армии, были наказаны за чужие ошибки и чужое поражение. В двадцатом году Шмелёва от чекистской пули спас Фрунзе. Казалось, что опасность благополучно миновала, Шмелёв получил новое высокое назначение, а с окончанием гражданской войны стал преподавателем в военной академии. Но, видно, Советская власть ничего и никого не забыла, и в конце двадцатых годов, когда повсеместно стали раскрываться «заговоры» бывших царских офицеров, вспомнили и о Шмелёве...

Его грубо подняли и посадили на табурет. Один глаз заплыл синяком, второй стеклянным, смертельно усталым взглядом упёрся в край стоявшего напротив стола следователя, губы потрескались и опухли, ими очень трудно было шевелить, выдавая бубнящую словесную кашу. Следователь находился где-то там, в темноте угла, позади яркого, слепящего электрического шара лампы.

– Гражданин Шмелёв, будем признаваться в контрреволюционной деятельности или продолжим упорствовать? – сквозь мерное покачивание ослабевшего сознания донёсся глухой голос следователя.

– Мне... мне нечего вам добавить, – почти шёпотом медленно проговорил красный военспец Шмелёв, вновь и вновь как заклинание повторяя уже сказанное ранее.

Сзади лязгнула металлическая дверь, быстро промелькнуло красноватое, в следах от оспы лицо, на мгновение попавшее в круг света, – это следователь поспешно поднялся с места, приветствуя кого-то старшего по званию. Вошедший медленно обошёл Шмелёва и остановился прямо перед ним. Низенький, темноволосый с ранней проседью на висках перед Шмелёвым стоял Яков Соломонович Фридовский.

– Ну что, молчит? – спросил Фридовский, смотря прямо на Шмелёва, но обращаясь к следователю.

– Молчит, товарищ комиссар, – с сожалением признался следователь.

Фридовский, скрипя сапогами, неспешно прошёлся по камере и прислонился к столу следователя. Начал он спокойно и даже сочувственно.

– Михаил Степанович, не понимаю, к чему такое упрямство, – с искренним недоумением произнёс Фридовский. – Ваше участие в контрреволюционном заговоре уже доказано.

И в ваших же интересах разоружиться перед Советской властью. У нас есть больше десятка признательных показаний. И все, – Фридовский приблизился, взгляд его острых тёмных глазок будто иголками кольнул Шмелёва, – все арестованные нами контрреволюционеры показали о вашей активной роли в деятельности подпольного военного центра.

– Я не знаю... – Шмелёв сглотнул кровавую слюну. – Я не знаю ни о каком военном центре, – тихо пробормотал он своими опухшими губами.

– Зря вы так, Михаил Степанович, зря, – покачал головой Фридовский. – Отпираться бессмысленно. Мы раскрыли вас, вы враг... И ваше участие в подпольном военном центре ещё не самое страшное преступление перед Советской властью. Во время войны с белополяками вы вредили Красной Армии на фронте, а ещё раньше в восемнадцатом году вы в сговоре с бывшим командующим армией предателем Елагиным сдали Уфу белым.

Минуло одиннадцать лет, а всё как будто произошло в другой жизни. Пыльное, жаркое лето, бронепоезд, Уфа... Тогда судьба первый раз свела Шмелёва с Фридовским. Тот был комиссаром второй армии, а Шмелёва назначили начальником штаба. Но вместе повоювать не пришлось, командующий армией Елагин сдал город белым, а они... Он всё помнил. Шмелёв поднял голову и посмотрел с выплеснувшимся вдруг презрением на Фридовского снизу вверх.

– Я не враг, я всегда честно служил Советской власти, – сказал он еле слышно.

– Врёшь, сука! – взвизгнул Фридовский, его глаза сверкнули откровенной дикой злобой.

Шмелёв мог бы, наверное, испугаться, но у него уже не было сил: сорок восемь часов без сна, без еды, сидя на краешке табуретки, а вокруг декорации ожидаемого последнего пути: каменные стены, узкое решётчатое окно, жёлтый электрический свет настольной лампы и наглое, красное в оспинках лицо следователя. Шмелёвым овладело чугунно-отупляющее, покорное безразличие к жизни и смерти, когда сон, пусть даже и вечный, становится избавлением от полного физического истощения.

Фридовский опять прошёлся по камере, скрипя своими блестящими сапогами, потом склонился над Шмелёвым, достал из кармана своей гимнастёрки фотографию и поднёс к его лицу фотографию.

– Узнаёшь?.. Это фото твоей семьи. Вот твой старший сын Сергей, – Короткий, пухленький пальчик Фридовского ткнулся в фотографию. – Твоему старшему сейчас пятнадцать лет... А это младший твой сын Никита, ему двенадцать... А тут, в центре, – аккуратно подстриженный, ухоженный ноготок скользнул по фотографии, – это твоя жена Елена Анатольевна Шмелёва... Ты ведь любишь их?

Голова опустилась, сердце ожило, забилось быстрее, зубы ухватили воспалённую, кровавую плоть губы. «Они не посмеют», – как заклинание, как суетливый и беззвучный возглас отчаяния пронеслось в голове, но надежды не было, были лишь страх и боль. Решиться надо было сейчас, потом может быть уже поздно...

– Ты любишь их?! – повторил Фридовский, резко повысив голос.

Шмелёв вздрогнул и сник, выдавив из себя униженное признание:

– Да.

– Ты сможешь следствию?

– Да, – снова тихо проговорил Шмелёв; слеза боли и усталости, вынужденной и виноватой слабости скользнула по его грязной щеке, оставив мокрый след.

Фридовский, самодовольный победитель, снисходительно похлопал своего бывшего боевого товарища по плечу.

– Покормите и дайте поспать, – распорядился он и вышел из камеры.

Берлин, октябрь 1929 г.

Вернуть деньги Горохову так и не удалось, хотя Елагин пытался сделать это неоднократно. Горохов, не боясь оскорбить лучшие чувства своего бывшего командира, категориче-

ски заявил, что не возьмёт их обратно. Сошлись на том, что это будет беспроцентный займ, который Елагин обещался возратить через год.

Жизнь стала другая, она стремительно изменилась. Спустя месяц после первого совместного похода в кино Елагин уже переехал к Серафиме Окуновой. Всё произошло как-то само собой, быстро и просто. Сначала прогулки, общение, потом привязанность, вылившаяся в нечто более серьёзное, чем ностальгические воспоминания и признания двух закинутых на чужбину русских душ. Елагин стал подолгу смотреть на себя в зеркало. Сухое, вытянутое немолодое уже лицо, серая кожа и пустые, унылые глаза – что могло привлечь её в этом одиноком и бедном бродяге? Елагин хмурился, сомневался в себе, боялся, но желал изменений в своей судьбе и потому, в конце концов, просто и по-военному категорично разрубил узел сомнений.

Дальнейшие свои действия он даже не обдумывал, хотя в его уже совсем немальчишеском возрасте этому, вероятно, следовало бы уделить время. Предложил Серафиме выйти за него замуж и получил согласие. Сразу же было решено, что жить они будут у Серафимы. Елагин собрался в полчаса, скинув в чемодан все нехитрые свои пожитки, расплатился с фрау Мюллер, проводившей его любопытствующим и недоумённым взглядом, и уехал, даже не попрощавшись с другими жильцами пансиона. Тягучее, одинокое существование было разорвано решительно и бесповоротно. Тёплая берлинская осень стала весной, подарила надежду, возродив к жизни уставший и разочарованный душевный организм, который долгое время лишён был самого близкого человеческого круга, а теперь желал единственное – обрести семью.

Серафима снимала две комнаты в центре Берлина; в одной разместились она и Елагин, другая была отдана сыну Серафимы Мите. Четырнадцатилетний Митька встретил Елагина настороженно. Он пристально наблюдал за тем, как пришлый мужчина неуклюже топтался в узкой передней, оглядывался вокруг, ища место, куда бы приспособить свой чемоданчик и виновато улыбался ему; рядом с мужчиной крутилась мать, суетливая, словоохотливая и счастливая. Митька боязливо пожал протянутую для приветствия широкую мужскую ладонь, его глаза жадно и недоверчиво изучали лицо мужчины, тот же продолжал смущённо улыбаться, кивал резко и невпопад, движения его рук были нервно поспешны.

Елагин пытался свыкнуться со своим новым статусом, влезть в него словно в новый, красивый и желанный, но не ставший ещё привычным и близким костюм. На первых порах этому активно мешали застенчивая боязливость и излишняя ответственность. Почти сросшийся с одиночеством Елагин поначалу чувствовал себя совершенно нескладно в окружении двух ставших ему вдруг родными людей. Желая быть заботливым супругом и внимательным отцом, поначалу он скорее играл роль, чем жил, боясь проявлять свои искренние чувства, боясь несуразности своего появления в чужой жизни, боясь новых своих обязательств в деле строительства семьи. Но маховик повседневности, а также заботливая женская теплота, которой Серафима окружила Елагина, обязаны были всё поменять и в итоге поменяли. Так появилась новая ячейка русского общества, волею злой судьбы обрётшая своё существование в нерусском социальном и географическом ареале.

Горохов нашёл Елагину скромную, но постоянную работу клерка в торговой компании. Это было совсем не то, что хотел бы получить бывший полковник российской армии, но выбирать особо не приходилось, а торговый род занятий гарантировал стабильный доход. А в новом положении для Елагина было важно в первую очередь обеспечить сносное существование своей семьи. И всё-таки только этим натура Елагина ограничиться не могла. Несмотря на новую служебную занятость, он продолжил свою политическую деятельность, периодически выступая в эмигрантской прессе со статьями на злобу дня.

Бескомпромиссный тон его выступлений, однако, сменился. Елагин постепенно отошёл от жёсткого неприятия большевистской действительности и пытался осознать этот новый исторический феномен под названием Советская Россия. Проходило время; раны, нанесённые гражданской войной, постепенно заживали. Елагин хотел верить, что советский режим эволю-

ционирует, что то, с чем он воевал и не мог победить силой оружия, со временем преобразуется изнутри, и власть превратится из ненасытного, пожирающего людей Левиафана в нечто более дружелюбное по отношению к русскому народу и его будущему. Елагин продолжал верить в российский социализм, он хотел увидеть ростки нового народного единения, когда самоубийственные гражданские распри и ненависть сгинут навсегда и забудутся.

Советские газеты, регулярно попадавшие в руки Елагина, громко трубили об успехах социалистического строительства. Любой здравомыслящий человек не мог не заметить в этих кричащих строках банальную пропаганду, но эта прямая простота странным образом заряжала оптимизмом, поддерживала веру в будущее страны. И если хотя бы десятая часть того, что писала советская пресса, оказалось правдой, это уже, думал Елагин, говорило бы о возрождении России.

Серафима периодически впадала в ностальгическую хандру. Тогда она глубоко вздыхала, заглядывала в глаза мужа и тоскливо спрашивала: «Как ты думаешь, мы когда-нибудь вернёмся в Россию?» Елагин неопределённо пожимал плечами в ответ, отводил взгляд и находил себе какое-то неотложное занятие – делал вид, что этот вопрос его не сильно занимает в текущий момент, хотя на самом деле он тоже частенько грезил о возвращении на родину и даже представлял себе, как и при каких обстоятельствах это может произойти. Теперь, по прошествии времени перспектива возвращения в большевистскую Россию не представлялась актом самоубийства и уже не казалась совершенно невозможной, как это было ранее.

У Серафимы появилась новая знакомая из числа совграждан, работавших в дипломатическом корпусе, – любопытная восторженная дамочка, любительница эlegantных шапочек и дорогих магазинов. Звали её Нина, она была женой одного из высокопоставленных сотрудников советского посольства, и потому пользовалась определённой свободой перемещения и обладала необходимым досугом для активного и познавательного заграничного времяпровождения. Серафима познакомилась с ней на улице, совершенно случайно – помогла заплутавшей в Берлине соотечественнице найти нужный дом. Разговорились, познакомились, и вот уже Ниночка (так звала её Серафима) стала с дружеской периодичностью посещать их квартиру. Ниночка была впечатлительной и общительной натурой, она любила чай с шоколадными конфетами и беззаботное щебетание на вечные женские темы: наряды, мужчины, дети. Странно, но в силу ли некоторой юной неосмотрительности, бесшабашности или излишней самоуверенности, Ниночка совсем не боялась, что знакомство с белоэмигрантами может навредить ей. О политике она почти не говорила, а на осторожные вопросы о том, «как оно там, на родине-то», на удивление раздражённо и со злой категоричностью заявляла, что «врут всё, и плохо там». Кто врёт, и почему «там плохо», Ниночка не объясняла, а лишь печально вздыхала и тут же заедала свою непостижимую горечь шоколадной конфеткой. Из чувства противоречия или просто провоцируемый желанием услышать наконец-то, что в России жизнь налаживается, Елагин готов был даже спорить с этой избалованной куклой Ниной, но никак не мог решиться на этот шаг. Враг Советского государства, защищающий права этого государства на успех, выглядел бы в глазах других или предателем, или сумасшедшим.

Под Рождество у Елагина случилась новая неожиданная встреча, опять напомнившая ему о боевом прошлом. Однажды вечером на пороге квартиры возник удивительный гость. Елагин не сразу узнал высокого мужчину, закутанного в дорогое меховое пальто. Выдали пышные с мороза усы и широкая добродушная улыбка. Это был Мухин, бывший начальник штаба Хвальинской бригады. Они обнялись, оба были искренне рады удивительной встрече. Мухин отстранился на мгновение, широко улыбнулся и опять притянул боевого товарища к себе. Елагину, зажатому в крепких объятиях, на мгновение показалось, что его бывший сослуживец стал выше ростом и шире в плечах, а он в сравнении с ним стал сутулее, слабее, много суше и старше.

– Я очень рад, – выдохнул Мухин, снова отстранившись и продолжая широко улыбаться, покачал головой и с чувством повторил: – Очень, очень рад!

Елагин познакомил Мухина со своей женой и приёмным сыном. Мухин долго и пристально смотрел на Серафиму, потом, видимо осознав, что это его необъяснимое внимание становится чересчур вызывающим, на приглашение к чаю объявил, что сегодня, к сожалению, никак не может задержаться в гостях у боевого товарища, что его ждут, но чтобы договориться о следующем, и более обстоятельном визите, был бы рад, если его старый друг полковник Елагин проводил его, а по дороге они бы обо всём условились.

Как только Мухин оказался на улице, его поспешность куда-то исчезла. Наоборот, он сразу же предложил Елагину посидеть в ближайшем кабаке и по душам поговорить. Время? Ах, да, время... Мухин хитро улыбнулся и махнул рукой – мол, те, кто ждут, могут и ещё подождать.

Они сидели в совершенно незнакомом берлинском кабаке, чуть хмельные от пива и воспоминаний. Рассказывал всё больше Мухин, с жаром, громко, увлечённо, будто вновь и вновь переживая всё то, что уже давно прошло и что ни вернуть, ни исправить было уже совершенно невозможно. Елагин же сидел и слушал, иногда кивал, словно подтверждая слова есаула или соглашаясь с ними.

– А мы ведь все тогда решили, что вас расстреляли, – говорил Мухин, вспоминая ноябрь восемнадцатого. – Но в вину вашу, в ваше участие в заговоре я никак не мог поверить, и в армии Дутова именно поэтому не задержался. По собственной инициативе перевелся в корпус Каппеля. Под началом Владимира Оскаровича я воевал против красных до января двадцатого, вместе с ним наступал, и ним же отступал. Многие, ох очень многие достойные офицеры погибли в тех боях! Не уберегли и Каппеля, он потерял обе ноги от обморожения и умер. Уверен, если бы не предательство чехословаков, мы смогли бы разгромить большевиков сначала в Сибири, а потом и до Москвы дошли бы. – Мухин резанул рукой воздух, замолчал, поглаживая свои пышные усы, и разочарованно бросил: – Впрочем, что ж сейчас об этом.

– Но потом, что же было потом? – спросил Елагин.

– В двадцатом вместе с отступавшим сибиряками я попал в Китай, в Харбин. Но там не задержался, и уже на следующий год перебрался в Белград – меня уверили, что именно в Югославии формировалась Русская армия, которая должна была освободить Россию от коммунистов. Однако никакой новой белой армии я в Белграде не нашёл, зато устроился в сербскую пограничную стражу. Без малого три года я верой и правдой служил королю сербов, хорватов и словенцев. Но в конце двадцать четвёртого подвернулась странная оказия – поход в Албанию. Это была чистейшей воды авантюра! Ахмет Зогу готовил переворот в Тиране, и главнейшей его военной силой должен был стать отряд русских наёмников, набранный в Сербии. – Мухин широко улыбнулся, в его глазах блеснула детская озорная весёлость. – Вы понимаете, Емельян Фёдорович, что я не мог пропустить подобное рискованное мероприятие. И вот зимой, под Рождество малочисленный Русский корпус вступил в Албанию. Войны не получилось. Албанская армия разбежалась после первого же сражения. Наши старые австрийские пушки и легенды о русских чудо-богатырях, не знающих поражения, сделали своё дело. Никогда ранее я не участвовал в более лёгкой кампании, скорее похожей на прогулку, нежели войну. Самым трудным оказалось поддерживать дисциплину в нашем отряде. Вынужденное безделье, скука и водка приносили больше вреда в походе, нежели действия противника. Как бы то ни было, именно благодаря русскому отряду Ахмет Зогу сверг премьер-министра епископа Ноли, провёл политическую реформу в стране и объявил себя президентом. Честно говоря, ни Ноли, ни Зогу не вызывали во мне особых симпатий, я служил за деньги, был простым ландскнехтом. Тем не менее, мы всё-таки сделали хорошее дело, когда свергли Ноли. Он был настроен очень просоветски, был, почти что, коммунистом, несмотря на свой сан, а главным советником у Ноли состоял агент ОГПУ Лучинский.

– Лучинский? – переспросил Елагин, порывшись в уголках своей памяти; эта фамилия была ему знакома, он вспомнил капитана дутовской контрразведки, его прилизанную чёлочку и удивился про себя такому парадоксу: два человека, по сути, политические антиподы, имели одинаковую фамилию.

– Да, Лучинский – известный провокатор, – только и заметил по этому поводу Мухин, а затем вернулся к рассказу о своей одиссее. – В Албании я не задержался, получил за свои заслуги из рук самого Зогу орден, а также албанский паспорт и перебрался в Италию. – Мухин сделал паузу, допил пиво и заказал ещё одну кружку. – И теперь я имею своё маленькое предприятие по производству мебели и живу в Италии, – подытожил он как-то очень печально, словно Италия была удивительно скверной и унылой страной. – Однако ж, скучаю я, Емельян Фёдорович, сильно скучаю. Видно, спокойная жизнь – не для меня. Эх, с удовольствием сейчас променял бы свой замшелый чужбинный уют на коня и шашку! – Мухин сжал кулаки. – Теперь бы я точно не упустил возможности раздавить красную гадину! И таких, как я, немало!.. Немало, поверьте, Емельян Фёдорович, – добавил Мухин, увидев в глазах Елагина сомнение. – Нам бы только политического руководителя хорошего, да командира толкового – мы бы горы свернули!

Елагин отрицательно покачал головой. Мухин откинулся на спинку стула, опёршись прямыми руками о краешек широкого дубового стола.

– Вы сомневаетесь? Я не узнаю вас, Емельян Фёдорович! Вы, герой белого движения...

Елагин не дал Мухину закончить.

– Бросьте, Сергей Александрович. Что может быть героического в братоубийственной гражданской войне!

Почти мгновенно и резко выросла стена отчуждения, разделившая однополчан. Повисла неуютная пауза, которая длилась всего несколько секунд, но, на удивление, долгих и неприятных секунд. Мухин первым нарушил тягостное молчание.

– Значит, вы вне игры. – Он всё понял.

– России нужен мир, она не выдержит новой гражданской войны, страна умрёт, – пояснил Елагин.

Нет, совсем не злость читалась в глазах Мухина: это было больше похоже на горечь разочарования.

– Так ваш ответ «нет»? – ещё раз уточнил он.

Елагин был категоричен.

– Признаём мы то или нет, но Советская Россия стала новой Россией, которая возникла на руинах старой. А я не могу воевать против России.

– Так, так, – Мухин задумчиво постучал костяшками пальцев по столу и печально промолвил: – Не ожидал я, что *они* так быстро вас перевоспитают.

– Кто это «они»? – не понял Елагин.

– Жена ваша Серафима Окунева и господин Горохов.

Елагин решительно подался вперёд.

– Я требую, чтобы вы объяснились, – произнёс он твёрдо.

– И ваша жена, и Горохов являются агентами большевиков.

Мухин сказал об этом совершенно спокойно, словно это было непреложным и широко известным фактом. Елагин сначала подумал, что ослышался и, нахмурившись, некоторое время молча в недоумении смотрел на Мухина, потом гневно выдохнул:

– Что за чушь!

– Извините, командир, что говорю вам об этом, – промолвил Мухин, – но кто-то должен был открыть вам глаза.

Елагин окаменел.

– Я понимаю, какой это тяжёлый удар для вас, – продолжал Мухин. – Вы были слишком наивны, принимая игры этих людей за чистую монету...

– Перестаньте лгать! – воскликнул Елагин; он импульсивно встал, но тут же снова без сил опустился на стул, слабеющим голосом уже без веры и возмущения повторил: – Перестаньте лгать.

– Вы можете в это не верить, но это правда, – говорил Мухин. – Ваша «случайная» встреча с Гороховым была заранее спланирована, а симпатия к Серафиме Окуневой, переросшая в серьёзное чувство, спрогнозирована и просчитана. Их план прост. С помощью Горохова и Окуневой вас хотят вовлечь в работу советской пропагандистской машины. По мысли большевистских кураторов, ваши новые выступления в эмигрантской прессе должны будут изменить отношение изгнанников к Советам, создать иллюзию преодоления вражды. Вы нужны большевикам как символ ложного примирения, как доказательство их успехов, признанных даже бывшими врагами. Вы не представляете, как красный зверь коварен и силен... И у каждого в этой истории своя цель. Горохов, выполняя волю своих хозяев, получает неплохую финансовую помощь от большевиков и, будучи послушен их воле, надеется вывезти свою семью из России в Германию. Окунева же, наоборот, хочет вернуться на родину.

Елагин безмолвствовал. Склонив голову, он сидел за столом, не шелохнувшись. Тупая боль сжала сердце, он спрятал руку под пиджаком и прижал к сердцу, стараясь унять, успокоить эту боль. Эта была не болезнь, это была пустота, которая возвращалась, захватывая вновь покинутые ей когда-то территории. Елагин встал.

– Мне следует идти, – сказал он. – Меня ещё ждёт семья.

Согбенный и потерянный Елагин взял шляпу и вышел на улицу. Мухин молча проводил своего бывшего командира взглядом до двери. В душе скреблись досада и злость на себя, а Елагина ему было просто жаль...

В вечерний пред рождественский Берлин залетел северный холодный ветер, поднял не ставшую ещё полноценным снегом снежную колкую пыль, закружил и стал с ожесточением кидать её в прохожих. Елагин медленно шёл. Он согнулся, поднял воротник пальто, и не услышал, как к нему сзади подбежал человек.

– Эй, постойте! – крикнул этот человек по-русски.

Оглушённый своими мыслями, Елагин не сразу понял, что человек обращался к нему и продолжал идти, не поворачиваясь.

– Постойте! – снова и требовательно крикнул человек.

Елагин обернулся. Перед ним стоял молодой человек в худеньком сером пальто и фетровой осенней шляпе, такой нелепой в снежном вихре.

– Вы меня, вероятно, не помните? – спросил молодой человек.

Елагин был уверен, что видел этого человека впервые в жизни.

– Меня зовут Иннокентий Труновский. Я служил в Хвалынской бригаде.

Молодой человек подошёл ближе.

– Бой за Вольск. Самарская рота Окунева, – и с грустной и разочарованной улыбкой: – Не помните?.. Мне было шестнадцать лет. Это я расстрелял тех красного командира-латыша и комиссара... Вы помните?

Елагин помнил тот бой за Вольск, он даже с трудом, но смог вспомнить тех красных командиров, которых приказал расстрелять тогда в городе, но стоявшего перед ним молодого человека он вспомнить был не в силах, и потому лишь смущённо пожал плечами.

– Иннокентий Труновский, – повторил молодой человек.

– Да, я понимаю, – растерянно пробубнил Елагин; он хотел что-то сказать, но, спутанный, поглощённый своими переживаниями, никак не мог уяснить, что он должен сейчас сказать. – Извините, я, понимаете ли... Конечно, да, я помню. Но...

– Ничего не надо говорить, – замотал головой Труновский. – Просто запомните моё имя. Я, знаете ли, я просто хотел сказать вам... Мы в вас верили, очень сильно верили тогда, считали вас настоящим русским командиром и готовы были на всё ради вас и нашей родины. А теперь... Теперь у нас нет родины, а вы стали предателем... Будьте вы прокляты!

Хлёсткий и сильный удар справа опрокинул Елагина на мостовую. Когда Елагин с трудом, медленно поднялся сначала на колени, а потом, покачиваясь, уже и встал на ноги – он был один в пустынном и тёмном берлинском переулке. "Левша", – почему-то сразу подумал Елагин, ощупывая свою челюсть.

– Боже, где же ты был так долго? Ты почему такой потерянный и хмурый? – запричитала Серафима, когда Елагин вернулся домой; в противоположность мужу она была радостно возбуждена и активна. – А это что ещё такое? – спросила с беспокойством. – У тебя на левой щеке кровь. Это ссадина! Ты что подрался с кем-то?

– Нет, поскользнулся, упал.

Серафима с улыбкой прильнула к Елагину.

– Мой бедненький, – прошептала она и нежно погладила по правой щеке. – Я сейчас же принесу йод... Да, кстати, – обернулась она в дверях спальни, – у нас гости: Ниночка и её муж.

В этот же момент в коридор из гостиной вышел мужчина.

– Здравствуйте, Емельян Фёдорович, – приветствовал он Елагина, опередив представления Серафимы.

– Познакомься, – быстро сказала та супругу, – это муж Ниночки. Василий Викентьевич Лучинский. Он работает в советском посольстве... Тут у нас маленькая неприятность. – Серафима виновато улыбнулась и скрылась в спальне – она торопилась намочить полотенце.

Они остались вдвоём в коридоре, друг против друга. Прилизанная косая чёлочка, тёмные непроницаемые глаза, желчная неподвижная улыбка. Елагин не мог ошибиться. Прошное материализовалась самым причудливым образом, так, как Елагин и не ожидал совершенно и не мог себе даже представить. Перед ним стоял тот самый дутовский контрразведчик, о котором он вспоминал всего час назад. В висках больно кольнуло. «Судьба проверяет на прочность. Надо пережить этот день», – подумал Елагин.

Гость и вида не подал, что знает Елагина, он протянул руку и, заново знакомясь, повторил слова Серафимы:

– Лучинский Василий Викентьевич.

– Мы ведь знакомы, – глухо напомнил Елагин и руку гостя не пожал.

– Полагаю, об этом пока стоит умолчать, – предупредительно заметил Лучинский и неловко спрятал бессмысленно повисшую в воздухе руку за спину. – У вас кровь на щеке, – сказал он.

– Пустяки. – Елагин стёр выступившую кровь носовым платком.

– Может, поговорим на лестничной площадке?

– Да, – согласился Елагин.

Они вышли за дверь. Лучинский вытащил из кармана пиджака трубку и засунул её, пустую, без табака, в рот.

– С чего лучше начать? – спросил он.

– Зачем вы здесь?

Лучинский погрыз мундштук трубки.

– Я снова хочу помочь вам, – сказал он и даже попытался улыбнуться, но лишь выдавил из себя коряво-хитроватую усмешку. – Помните нашу первую встречу, в Оренбурге? Когда вы появились у меня в кабинете, в моём кармане уже лежал приказ Дутова о вашем расстреле. Но я тогда попросил командующего повременить с приговором. Я договорился с ним, если про-

явятся новые обстоятельства, смягчающие вашу вину или её опровергающие, Дутов отменит приказ. Дутов так и сделал, когда ротмистр Галиулин и ваш денщик дали новые показания.

– Новые? – переспросил Елагин.

– Да, именно новые показания, – подтвердил Лучинский. – Дело в том, что они сначала утверждали, что вы активно участвовали в заговоре. И лишь после дополнительных бесед, заявили, что оклеветали вас.

– Но ведь это ложь, – сказал Елагин. – Я не участвовал в заговоре!

Лучинский характерным знаком руки попросил говорить тише и с опаской глянул на окружавшие их двери.

– Прошу вас... Не надо привлекать лишнего внимания, – поспешно произнёс он. – Хочу сказать, Емельян Фёдорович, я был совершенно уверен в вашей невинности. Но вы должны понимать, что это всего лишь особого рода технологии.

– Всего лишь технологии?.. – задумчиво повторил Елагин, потом резким движением руки стёр со щеки вновь выступившую кровь. – Скажите откровенно, какую услугу вы оказали большевикам, раз они вот так запросто взяли вас к себе на службу?

Лучинский поправил свою прилизанную чёлочку.

– Сейчас речь не обо мне, а о вас, о вашем будущем, о будущем вашей семьи, – сказал он.

– Это угроза?

– Боже упаси, – активно замахал руками Лучинский и осклабился. – Вы меня неправильно поняли. Повторяю, я хочу лишь вам помочь. Я хочу предложить вам...

Лучинский не договорил. Щёлкнул замок входной двери, и на лестничную площадку вышла Серафима. В руках она держала мокрое полотенце и баночку с йодом.

– Тебе надо промыть рану, – сказала Серафима мужу.

Но её встревоженное беспокойство и торопливое участие в делах мужа вдруг натолкнулось на каменную холодность Елагина.

– Прошу тебя, не сейчас! – резко ответил он, голос его был предельно жёсток и твёрд.

Серафима скрылась в квартире, нервно, с приглушённым стуком, прикрыв за собою дверь. Напряжённая пауза сохранялась недолго.

– Так вот, – негромко проговорил Лучинский, пожёвывая мундштук своей трубки, – я хотел предложить вам сотрудничество с Советской властью.

Елагин снова приложил окровавленный платок к своей щеке.

– Как вы себе это представляете?

Лучинский оживился.

– Вам не придётся ничего делать против своей совести. Менять что-то в образе жизни и роде занятий тоже не придётся. Вы продолжите сотрудничество с социалистической прессой. Единственно, тон ваших выступлений нужно будет ещё более сместить в сторону примиренческой линии. – Лучинский сказал это очень мягко, словно извиняясь и заискивая, а потом внимательно посмотрел в глаза Елагина. – Согласитесь, Емельян Фёдорович, это в какой-то мере соответствует и вашей внутренней позиции.

– Вы хотите, чтобы я агитировал эмигрантов за возвращение на родину?

Лучинский неопределённо пожал плечами.

– Не скрою, подобные призывы могли бы только приветствоваться нами. Но мы совсем не требуем от вас столь радикального изменения своих политических воззрений. Скорее мы надеемся на демонстрацию более тёплого, скажем так, отношения к внешней и внутренней политике Советского Союза.

Елагин склонил голову.

– Почему я? – спросил он. – Почему вы выбрали именно меня?

– Всё просто, – развёл руками Лучинский. – Потому что вы нам не враг, а друг. То, что российское социалистическое движение в годы гражданской войны было расколото и раста-

щено в противоположные лагеря, стало трагедией для России. Теперь же, когда последствия противостояния преодолены, когда перед нашей страной стоят великие задачи, мы должны прекратить бесплодную и губительную вражду и сплотиться для достижения новых целей социалистического строительства. Мы видим в вас, Емельян Фёдорович, истинного патриота России. Вы не из тех псевдоратателей народных и болтунов, которые продались иностранцам и всячески пытаются навредить своей родине. Вы храбры, умеете принимать трудные решения и нести за них ответственность, вы сами видели безумие междоусобицы и знаете, что это самое страшное, что может перенести страна, вы искренне любите Россию, вас уважают, вам верят, видят в вас защитника российского социализма. Отчего же тогда вы должны быть врагом Советской России? Наоборот, полагаю, вам необходимо стать нашим союзником и это будет совершенно естественно. – Лучинский вытащил изо рта трубку и задумчиво повертел её в руках. – Многие, очень многие эмигранты хотели бы вернуться на родину или хотя бы возвратить себе гражданство России, но они боятся мести. Я понимаю, что это сильный сдерживающий фактор, но гражданская война окончена и уже давно, Советская власть не собирается никому мстить и самый яркий пример тому находится сейчас перед вами. – Лучинский хлопнул себя ладонью в грудь, риторически вопрошая: – Если уж Советская Россия простила и взяла на службу бывшего белого контрразведчика, то что опасаться другим?!

Лучинский замолчал, ожидая какой-либо реакции от Елагина. Но тот стоял неподвижно, опустив голову на грудь, он словно ушёл в себя, сохраняя напряжённое задумчивое безмолвие.

– Так как вы смотрите на моё предложение? – осторожно осведомился Лучинский, справедливо полагая, что пауза слишком затянулась.

Елагин не шевелился, глубокая набухшая царапина на щеке выдавила из себя крупную каплю крови, которая алой дорожкой устремилась к подбородку – Елагин встrepенулся и, спохватившись, быстрым движением руки стёр её.

– Это хорошо, что всё произошло в один день, – произнёс он.

– Что именно? – не понял Лучинский.

– События спрессовали время. И это спасло мою душу, – тихо сказал Елагин.

– Вы о чём? – Лучинский недоумённо поморщился, потом поспешно, будто оправдываясь, начал говорить: – Впрочем, я совершенно вас не тороплю. Вы можете ответить мне позже. Времени у нас достаточно...

– Не стоит с этим медлить, я отвечу вам сейчас, – оборвал его Елагин. – И скажу вам «нет».

Убеждений не последовало.

– Печально, – с вполне искренним сожалением сказал Лучинский, но не отступил окончательно. – Тем не менее, у вас ещё есть время всё обдумать.

После они вчетвером пили чай в гостиной. Елагин мрачно молчал весь остаток вечера, иногда отвечая на вопросы односложно или туманно, Серафима с виноватой улыбкой и нервной, осуждающей оглядкой на мужа пыталась быть приветливой хозяйкой. Ниночка мило щебетала, очевидно, не замечая никаких изменений в поведении своих приятелей, её муж был немногословен, часто и рассеянно улыбался, он честно старался поддерживать постепенно затухавшую беседу, но удавалось это ему плохо. Вечер закончился сам собой, растаял, исчерпав все темы и интерес собеседников друг к другу.

Через месяц Серафима и Елагин развелись также внезапно для немногочисленных своих знакомых, как и поженились. Всё было кончено, но расставание было очень болезненным для Елагина. Более всего, как слепок с большой души, как образ момента, который навсегда остаётся в памяти, он запомнил разочарованный и потерянный взгляд Митьки Окунева в секунду прощания. Неуспокоенная и жестокая жизнь, смысл движения которой был непонятен и скрыт для Митьки, отобрала у мальчишки и второго отца, которому он только-только стал доверять...

Белград, май 1941 г.

Жизнь изгнанника по определению непредсказуема и похожа на лотерею, и никто не знает, какой билет в результате вытащит. В тридцать первом, как только смог отдать «гороховский займ», – а не отдать его он не мог себе позволить, – Елагин уехал из Германии, жил два года в Праге, а после обосновался в Белграде. Здесь, не без протекции некоторых своих бывших товарищей по партии эсеров он стал руководителем местного отдела «Земгора». Бывший полковник российской армии возглавил благотворительную организацию, занимавшуюся распределением помощи среди соотечественников-эмигрантов в Югославии. Сильно поседевший, немного погрузневший, отпустивший маленькую клиновидную бородку и уже сроднившийся с бухгалтерского вида, круглыми роговыми очками Елагин думал, что так и закончит свою одинокую жизнь чиновником небольшой эмигрантской организации. Но случилась новая война, и линия его судьбы совершила очередной неожиданный поворот.

В апреле сорок первого после молниеносной и на редкость малокровной балканской кампании немецкие войска оккупировали Югославию. Армия Югославии капитулировала, правительство и король поспешно бежали из Белграда за границу, страна была фактически расчленена на зоны оккупации, а в Хорватии образовалось фашистское государство. В Белграде довольно быстро было сформировано прогерманское управление. Надменные и самодовольные оккупанты с презрением вспоминали, как мэр торжественно сдал ключи от города первому появившемуся с отрядом в десяток солдат немецкому офицеру.

Югославский «Земгор», как и большинство русских эмигрантских организаций в Белграде, прекратил своё существование сразу после начала оккупации. Чтобы как-то занять действием время пустого одиночества Елагин часто и подолгу бродил по улицам, с жадностью собирал всевозможные слухи и сплетни, летавшие по городу. Говорили, что скоро на побережье высадится английский десант, что где-то в горах собирается большая армия, которая должна освободить Сербию. Однако всё это были лишь пустые разговоры. Страна была унижена, испугана и подавлена, но она ещё надеялась на то, что германская военная машина всё-таки сломается, и что союзники не оставят страну в беде. Надежды были совсем призрачны, и всё указывало на то, что германскому натиску уже никто не может ничего противопоставить.

Прошёл месяц бесплодного ожидания и безделья. Май выдался совершенно чудным – мягким, тёплым, солнечным, но никто этого не замечал, и только старики качали головой, недоумевая, почему самые страшные и губительные события происходят в момент невероятной природной благодати. Вечером одного майского дня, после ставшего уже традиционным праздного шатания по белградским улицам, Елагин возвратился в свою съёмную комнату. Госпожа Мичунович, хозяйка квартиры, последний месяц не находила себе места: её сын, сербский офицер с самого начала войны не давал о себе знать. Но в этот вечер она вся светилась от счастья. «Милан вернулся», – шепнула она радостно на ухо Елагину, когда они встретились в коридоре.

Сын хозяйки спустя некоторое время сам заглянул в комнату Елагина, принёс початую бутылку водки и плотно прикрыл за собой двери. Похудевший, с бородой, в потрёпанной гражданской одежде, он был совсем не похож на того самоуверенного молодого поручика, который всего месяц назад ушёл на войну.

– Пусть они не торжествуют, – сразу решительно объявил Милан Елагину. – Мы не сдались.

Они выпили по рюмке за встречу. Милан широко улыбнулся и заговорщически подмигнул Елагину.

– Завтра я ухожу на Равну Гору. Там собираются чётники, – сказал он и потряс кулаком. – Мы ещё покажем этим немцам!

– Можно мне с тобой? – вдруг спросил Елагин.

Милан не ожидал от Елагина подобного вопроса. Он недоверчиво оглядел русского: перед ним сидел немолодой близорукий мужчина, который вряд ли уже был способен с лёгкостью переносить тяготы войны. На что он рассчитывает и не станет ли обузой?..

– Не бойся, я знаю, что такое война, и обузой не буду, – сказал Елагин, словно прочитав мысли Милана.

Молодой сербский офицер сомневался недолго, махнул рукой и решился:

– Ну, пусть будет так!.. Завтра на рассвете уходим.

Равна Гора, где находился штаб чётников Драголюбa Михайловича, стала местом сбора сербов, решивших продолжить войну с оккупантами. И таких людей было много. Встречая новых добровольцев, Михайлович направлял их в разные города и села Югославии с задачей формировать партизанские отряды. Эти партизанские отряды, по мысли Михайловича, должны были стать основой новой сербской армии, которая в момент высадки англичан, должна была помочь союзникам освободить страну. Милан Мичунович, в качестве командира, и Елагин, в качестве заместителя командира, оказались в Черногории, где, как бывшие кадровые офицеры, возглавили небольшой отряд местного сопротивления, в основном состоявший из крестьян.

Черногория, относящаяся к итальянской зоне оккупации, была относительно спокойным местом на карте Югославии. Потерпев несколько поражений в боях с партизанами, итальянцы почти совершенно отказались от мысли установить контроль над всей территорией Черногории. Итальянское присутствие ограничивалось лишь гарнизонами в крупных городах. С большой неохотой и только по необходимости итальянцы выбирались за черту города, организуя для этого большие, хорошо охраняемые колонны.

Базируясь в горном селении, отряд Мичуновича занимался диверсиями на дорогах. Война с итальянцами ограничивалась в основном обстрелами колонн, нападениями на одиночные машины, иногда появлявшимися на горных дорогах, и ночными рейдами к наблюдательным постам итальянских гарнизонов. Елагин старался не отстать от своих бойцов, ползал по горам, выслеживая передвижения колонн, участвовал в боевых акциях. Его опыт кадрового офицера очень пригодился партизанам. Русского любили в отряде и относились к нему как к старшему товарищу – опытному и мудрому.

Шли месяцы, и скоро чётники стали уже не единственными партизанами в горах. К концу лета появились и коммунистические группы сопротивления. Чётники и коммунисты относились друг к другу с подозрением, совместные акции не проводили, но и прямых столкновений друг с другом тоже старались избегать. Параллельное существование и борьба с оккупантами продолжались довольно долго, пока не произошла трагедия, первопричиной которой стала, как ни странно, не политика, а любовь.

Один молодой коммунист полюбил дочку старосты селения. Девушка, судя по всему, ответила ему взаимностью, но отец её был настроен решительно против молодого человека. Однажды староста поймал коммуниста на «месте преступления», тот, обороняясь, застрелил отца своей девушки. Коммунисты, прикрывая своего товарища, попытались представить этот случай как казнь коллаборациониста – староста, действительно, сотрудничал с итальянцами, – но это не спасло парня от мести. В отряде чётников Мичуновича воевали два племянника старосты, они нашли убийцу своего дяди и расстреляли его, заодно убив и двух его дружков. Братья-мстители в свою очередь были выслежены и казнены коммунистами. Трагическая любовная история быстро переросла в войну между партизанами. Елагин понимал, что это безумие самоуничтожения необходимо было остановить во чтобы то ни стало. Он и Мичунович договорились о встрече с командирами коммунистов на нейтральной территории, в доме пасечника. В назначенный день Елагин уже собрался на переговоры, но Мичунович его остановил.

– Встречи не будет, – сказал он, теребя свою густую бороду и, поймав недоумённый взгляд своего заместителя, добавил: – Я перенёс переговоры на другой день.

Впрочем, истинные причины переноса встречи Елагин узнал уже назавтра. В доме пасечника коммунистов ждала засада. Они были схвачены итальянцами и в тот же день прилюдно повешены в ближайшем крупном селе. Лесная база коммунистов была окружена карателями и разгромлена, партизанский отряд уничтожен. Для итальянцев, которые долго не могли похвастаться успехами в подавлении партизанского движения, проведённая операция стала триумфом. Итальянский капитан, командир карателей, получил не только повышение, но и долгожданный отпуск на родину – за время балканской службы он успел сильно соскучиться по своей жене и дочке.

О том, что случилось, Елагину поведал молодой партизан Деян Ковач. Виновато пряча глаза и покусывая губы, он всё рассказал русскому.

Деян несколько дней назад отнёс записку Мичуновича родственникам убитого старосты, – тогда он совсем не придавал ей значения, а нынче понял, что было в той записке. «Мы сдали их», – шептал Деян и пытался стереть с руки невесть откуда появившееся синее чернильное пятно. «Мы сдали их», – разочарованно повторял он.

Елагин мог бы считать себя невиновным в смерти коммунистов, ведь он не знал о планах своего командира, но, как бы он себя ни успокаивал, и чтобы ни говорили другие люди, кровь партизан теперь была и на нём, и стереть ее, словно чернильное пятно на руке, уже было невозможно.

– Зачем ты это сделал? – спросил Елагин Мичуновича.

– Двум лисам не жить в одной норе, – невозмутимо ответил тот; ни жалости, ни раскаяния он не чувствовал, логика его была совершенно примитивна и, стоило признать, понятна и действенна: – Всё просто. В конце концов, или мы их уничтожим, или они нас.

Маленькие ручейки злобы, подготовленные и усиленные политической отравой, соединялись в полноводные реки гражданской ненависти, готовили почву для полномасштабного народного кровопускания. Гражданская война, самая безжалостная и бессмысленная из всех войн, в Югославии только начиналась. Елагину это было уже знакомо, всё это он проходил, и совершенно не хотел повторений в своей новой другой жизни. Не для того он ушёл на мировую войну, чтобы помогать проливать братскую кровь, чтобы способствовать распространению безумия самоистребления, у него была другая цель – Елагин хотел воевать против оккупантов. Это и определило его решение. На следующий день он объявил Мичуновичу, что уходит из отряда. Мичунович был вправе посчитать это дезертирством, и на мгновение ослеплённый упрямой злостью готов был расстрелять Елагина, но сразу вспомнились давние вечера, когда он, ещё будучи подростком, приходил к русскому в комнату и слушал его рассказы о войнах, о России, о прошлом и будущем...

– Уходи, – проговорил Мичунович. – Я буду молить Бога, чтобы мы не встретились на поле боя как враги.

Елагин ушёл, и ушёл не один – с ним ушли ещё пятеро партизан, среди которых был и Деян, ставший невольным пособником убийства коммунистов. Елагин не знал куда идти, что дальше делать, и на первом же привале он откровенно признался в этом своим товарищам; сказал он также, что подчиниться любому их решению. Сначала все сидели молчаливые и хмурые – думали. Странно, но почему-то никому не пришло в голову просто разойтись по домам. Все добровольно пришли на войну и потому хотели продолжить борьбу. Стали предлагать свои варианты, спорили, но в итоге почти единогласно приняли вариант Деяна: тот предложил отправиться в Боснию и найти там его брата, который служил при штабе самого Тито. Елагин покорно склонил голову. Линия судьбы петляла по жизни на редкость причудливым образом, её прихотью он снова должен был стать красным.

Колыма, декабрь 1941 г.

В морозное утро перед строем заключённых разводящий объявили о назначении Фридовского бригадиром. Теперь всё, теперь можно было забыть о кайле, о тачке, о камне, теперь он стал хоть и маленьким, но начальником, для которого орудием его труда стала не лопата, а слово власти, материалом его труда стала пластичная и гибкая людская масса, заменившая вечную мерзлоту и неподатливый камень прииска.

Это было сложно с его прошлым, с его статьёй... Да что там сложно, это было практически невозможно, но Фридовскому это удалось – он стал бригадиром. Судьба очередной раз – третий, по расчётам самого Фридовского – улыбнулась ему за последние годы. Он не пытался найти во всём произошедшем божественного провидения или знака фортуны, он знал, что только страстная, неуёмная его воля к жизни и правильные решения могли спасти его в аду. Спасение было не бесплатным, оно стоило тёплого полушубка, присланного женой и вовремя отданного кому надо, нескольких добровольных показаний, демонстрации особого рвения в исправлении и умения выживать в нечеловеческих условиях лагеря. Бригадирство – это был маленький, но важный и уверенный шаг в сторону от пропасти.

А первый раз ему повезло, когда тройка в тридцать седьмом приговорила его не к расстрелу, а к десяти годам лагерей. Для Фридовского, одного из высокопоставленных работников НКВД, такой приговор стал настоящей удачей – его не списали как большинство других его сослуживцев, ему дали шанс, и этим шансом он решил воспользоваться, чего бы это ни стоило. Колыма могла стать всего лишь небольшой временной отсрочкой смерти, но Фридовский чувствовал опасность, он знал, как и когда надо действовать, как надо жить в аду, чтобы выжить.

Второй раз Фридовскому повезло, когда его обошли стороной массовые колымские расстрелы тридцать восьмого. Это тоже могло показаться случайностью, но Фридовский никогда не уповал на случайность; он знал: чтобы спастись в высокой и мощной волне, надо взобраться на самый её гребень, оседлать её, он следовал правилам игры со всем пониманием и необходимой осторожностью; его многочисленные свидетельства о неблагонадёжных лицах, вредительских акциях и контрреволюционных разговорах дали результат – он остался жив, пусть и за счёт других, всё равно обречённых.

Прошёл всего месяц, и бригада Фридовского из отстающих на прииске превратилась в передовую, выполнявшую план на сто и даже более процентов. Стоило, однако, подобное достижение довольно дорого. Людской материал стал таять с невероятной скоростью. Стахановский труд в дополнение к холоду и голоду стал уносить человеческие жизни много быстрее обычного, планового расхода лагерного контингента. И уже скоро переводом в бригаду Фридовского стали наказывать как неминуемой и тяжёлой смертью. Впрочем, достижения Фридовского в организации ударного труда заключённых были оценены начальником лагеря по достоинству. И Фридовского хотели было уже двинуть дальше вверх по служебной лестнице, как случилось непредвиденное...

В феврале сорок второго на прииск приехал уполномоченный из района. Окружённый лагерным начальством, он посетил забой. С тяжёлым, выдвинутым вперёд подбородком, опухшей после пьяного недосыпа рожой он ходил по забою, закинув руки за спину, смотрел своим осоловевшим гранитным взглядом на то, как работали зеки, и молчал. Показали и образцовый забой бригады Фридовского. Уполномоченный долго всматривался в лицо Фридовского, потом отрывисто бросил:

– Ты что ль Фридовский?

До того уверенный взгляд тёмных глаз Фридовского нервно и бестолково запрыгал из стороны в сторону, бывший комиссар совершенно не понимал, что больше – хорошего или плохого – можно было ожидать от вопроса, а главное, от тона, каким был задан этот вопрос.

– Грамотно, грамотно всё ты тут устроил. – Круглое лицо уполномоченного стало ещё круглее от хитрой и самодовольной улыбки, а толстый розовый пальчик ткнулся в серую телогрейку Фридовского. – Только ты не думай, еврей, что умнее всех.

На этом разговор бригадира и уполномоченного был закончен. На следующий день последний уехал в район, а ещё через пару дней в район под конвоем отправили и Фридовского.

В открытой грузовой машине вместе с Фридовским в район отослали ещё несколько человек. Среди них был худой старик-доходяга с голым черепом и высохшей, жёлтой, словно пергамент, кожей лица. В пути он придвинулся ближе к Фридовскому.

– Не признаёте меня, Яков Соломонович? – Старик тихо и беззубо осклабился.

Нет, Фридовский не признал старика.

– Процесс эсеров, двадцать второй год, – сказал тот. – Щайкин моя фамилия, не помните?.. Впрочем, нас там много было, всех и не упомнишь... Моя первая советская ссылка, – почти мечтательно проговорил старик, словно вспоминая отпуск на море. – Вы уж извините меня, Яков Соломонович, но я не от себя только, а от имени многих других стараюсь, и живых ещё, и уже мёртвых. Считайте, долг отдаю старый, да и лагерным нашим помогаю.

Фридовский подозрительно посмотрел на старика, фамилию и лицо которого так и не вспомнил.

– Я буду главным свидетелем по вашему делу, – промолвил Щайкин, всё так же торжественно улыбаясь своим беззубым ртом.

Теперь Фридовский всё понял. Сначала он был оглушён признанием старика, сидел неподвижно, и только большие тёмные навывкате глаза, застыв, лихорадочно блестели, выдавая сильное внутреннее смятение. Потом Фридовский резко рванулся вперёд и вцепился руками в горло Щайкина... Конвоир оказался проворнее. Ударом приклада он отбросил Фридовского в сторону, в угол кузова, и добавил ещё там несколько раз для успокоения. Всю оставшуюся дорогу Фридовский лежал неподвижно и приглушённо скулил, размазывая по лицу кровь и слёзы.

В райцентре Фридовского судили за контрреволюционную деятельность. Ему, еврею, приписали восхваление Гитлера и шпионаж в пользу Германии, приговорили к расстрелу и расстреляли через две недели. Главный свидетель обвинения Щайкин ненадолго пережил Фридовского, он умер через месяц в лагерьном лазарете от истощения.

Число три, видимо, было пределом везения Фридовского, и четвёртого случая для спасения не представилось.

Восточная Босния, май 1942 г.

В памятную осень сорок первого группа Елагина проделала долгий и опасный путь из Черногории в восточную Боснию. Чётники Елагина шли в основном через леса, в сёла заглядывали редко, только лишь, чтобы запастись провизией и немного отдохнуть. Пару раз они чуть было не нарвались на немецкие патрули, но осмотрительность и дисциплина помогли им избежать ненужных столкновений.

Найти партизанский штаб Тито им, конечно, не удалось, но Деян удивительным образом через дальних родственников всё-таки смог разыскать своего брата Горана – тот руководил крупным партизанским отрядом в лесах Боснии. Бывшие чётники влились в ряды коммунистов, и были приняты, на удивление, дружелюбно. Сложнее было с Елагиным. Тот не скрывал, что был когда-то русским офицером, участвовал в белом движении и воевал против Советской власти в России. Только под личные гарантии своего брата Деяна командир отряда Горан Ковач оставил Елагина на свободе и разрешил стать рядовым бойцом партизанского отряда.

Несмотря на возраст, Елагин делил военные лишения наравне со всеми, участвовал в засадах и ночных рейдах, ходил в разведку, минировал железные дороги, нападал на посты оккупантов. Было очень тяжело, сил не отставать от своих товарищей по оружию хватало с тру-

дом, иногда годы подлым образом давали о себе знать булавочными уколами в сердце, и происходило это в самый неподходящий момент, но Елагин терпел, стараясь не показывать своей слабости. Мысль о том, что он защищает историческую справедливость, участвует в великом и правом деле освобождения мира от нацизма, придавала некий смысл жизни Елагина, заряжала энергией действия. Смерти он совершенно не боялся, и потому, вероятно, пули его обходили стороной. Елагин умел и любил воевать, вспоминая премудрости своей военной профессии как соскучившийся по своему уже давно забытому делу ремесленник.

Через некоторое время слухи о том, что в отряде Горана Ковача воюет русский офицер, распространились среди партизан и достигли даже Верховного штаба. И вот в один из майских дней сорок второго года к Горану прибыл гонец. Он передал приказ отправить русского в расположение штаба. Нельзя сказать, что русских было много среди югославских партизан, совсем нет, но Горан, тем не менее, не мог понять, чем так успел отличиться или, напротив, провиниться, Елагин, раз его вызвали в штаб к самому Тито, а ему, командиру отряда, даже не сообщили причину вызова.

Верховный штаб располагался в крупном селе в одном из освобождённых партизанских районов Боснии. На околице сопровождавшие Елагина партизаны передали его в руки охраны штаба, а те в свою очередь проводили его до большого каменного дома в центре села. Во дворе дома Елагин просидел около часа, пока к нему из дома не вышел хмурый молодой человек в английском кителе и старой югославской фуражке с красной звёздочкой вместо кокарды.

– Товарищ Елагин? – спросил охранник.

– Да.

– Оружие сдайте, пожалуйста.

Елагин снял кобуру с пистолетом и передал её охраннику. Тот кивнул.

– Пройдёмте со мной, вас ожидают.

Партизан провёл Елагина внутрь дома. В одной из комнат только что закончилось совещание, там было много народа. Когда Елагин с сопровождающим вошли в комнату, один из мужчин, вероятно, самый главный, приказал всем выйти. Все беспрекословно подчинились, и Елагин остался один на один с главным.

Крепкий, мускулистый с каменным римским лицом, он сидел за широким гостиним столом и, откинувшись в кресле, ел яблоко. Как только все вышли, главный отложил на тарелку недоеденное яблоко, смахнул маленькую косточку с руки, быстро встал и подошёл к Елагину. Широкая улыбка преобразила необычайно суровое, каменное лицо, оно в момент сделалось открытым и добродушно-приветливым.

– Здравствуйте, товарищ Елагин. – Широкая ладонь властно стиснула правую руку Елагина.

– Вы знаете, кто я такой? – поинтересовался главный, с непонятным любопытством заглядывая в глаза Елагина.

– Я догадываюсь, – неуверенно ответил Елагин, голос его дрогнул. – Вы товарищ Тито.

– Да, – с явной гордостью и нескрываемым удовольствием от оказанного впечатления подтвердил главный, словно старого знакомого похлопал Елагина по плечу и движением руки предложил сесть на стул.

– Да, я Тито, – с театральной торжественностью повторил лидер югославских коммунистов, обошёл широкий стол и сел в своё кресло. – Как вы думаете, товарищ Елагин, мы первый раз с вами встречаемся?

Елагин был совершенно сбит с толку: мало того, что его с непонятной целью пригласил к себе коммунистический вождь, так он ещё и говорил с ним языком загадок. Всматриваясь в улыбающееся лицо, Елагин готов был поклясться, что, хоть и знал его по многочисленным описаниям, видел его впервые в жизни.

– Не буду вас более смущать, – Тито перешёл на русский язык. – Всё равно вы меня не вспомните, как бы ни старались, а вот я вас запомнил очень хорошо... Август восемнадцатого, бой в районе Вольска, не припоминаете?

Елагин растерянно кивнул, хотя ясности это напоминание не придало никакой.

– Я был одним из тех красных интернационалистов, которых вы помиловали тогда, – объяснил Тито. – В тот день я обещал себе запомнить фамилию того человека, которому обязан своей жизнью и отплатить ему добром в случае встречи. Я знаю, что белые тогда расстреливали всех иностранцев, которые попадали им в плен, – таковы были нравы той войны. Но вы поступили по-другому, и тем самым спасли не только меня от смерти, вы спасли и наш народ, и нашу страну Югославию, – с абсолютной серьёзностью заявил Тито.

Новость ошеломила Елагина, а искренняя патетика, с которой она была сообщена, немного даже напугала. Елагин не нашёлся что ответить.

– Я... Для меня это такая честь... и такая неожиданность, – бормотал он, пытаясь всё-таки найти приличествующие обстоятельствам слова и вспомнить наконец все обстоятельства того давнего боя под Вольском.

Тито видел трудности русского офицера. Он ободряюще положил свою руку на плечо Елагина и снисходительно улыбнулся.

– Признаюсь, я не ожидал увидеть вас на нашей стороне баррикад, но, честное слово, очень рад таким обстоятельствам, – сказал Тито. – Мне всё равно, кем вы были ранее и против кого воевали, вы сейчас с нами, а наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами! – процитировал он Молотова и по-деловому перешёл к более конкретным предложениям: – Ваш опыт боевого офицера, командира – о, я хорошо помню, как вы всыпали нам тогда под Вольском! – сейчас, как никогда, востребован. Мне нужны такие люди в Верховном штабе. Мы создаём новую югославскую армию, и профессионалы нам крайне необходимы. Уверю, вам мы найдём достойную должность при штабе... Итак, ваше решение?

Пауза в несколько секунд – вот и всё время, какое глава югославских партизан мог дать для обдумывания ответа.

– Спасибо, товарищ Тито, за предложение, вы оказали мне высокую честь, – ответил Елагин, когда секундная пауза вежливости истекла. – Я очень ценю ваше доверие, но я думаю, что мог бы сделать ещё много полезного в отряде Ковача. Я хочу и готов доказать именно на передовой линии, что русские не жалеют своей крови для освобождения братской Югославии от фашизма.

Ответ русского понравился. Тито окинул задумчивым взглядом Елагина, давая понять, что окончательное решение здесь принимает всё-таки он.

– Ну, что ж, хорошо, пусть будет по-вашему, – согласился Тито. – Только обратно вы вернётесь не рядовым бойцом, а командиром отряда. Горана сделаем вашим заместителем, он ещё молод и должен набраться опыта.

– Но...

– Я не приму возражений. Завтра же подпишу приказ о вашем назначении, а пока отдыхайте, товарищ Елагин.

Когда русский вышел, в комнату заглянул невысокий мужчина во френче.

– Всё слышал? – спросил его Тито; тот кивнул. – Глаз не спускать с этого русского. Хорошо, если он играет по-честному и принесёт нам пользу, а если нет, то решение должно быть только одно.

Мужчина во френче снова понимающе кивнул.

Западная Босния, август 1943 г.

Сорок третий год стал одним из самых тяжёлых для Югославии. Понимая, что контроль над территорией постепенно уходит, что партизанское движение ширится и превращается

в широкий фронт сопротивления, способный выставить уже армии подготовленных бойцов, немцы решили перехватить инициативу. В начале года после личного распоряжения Гитлера в партизанские районы Югославии были переброшены несколько немецких, итальянских и хорватских дивизий. Начались полномасштабные военные действия с применением танков и авиации.

Весной, зажатый с одной стороны немецкими карателями, со второй и третьей хорватскими и итальянскими частями, отряд Елагина с боями вынужден был отступить в горы. Фашисты посчитали, что загнали партизан в ловушку и хотели неспешно закончить операцию, но Елагину удалось, оставив всё тяжёлое снаряжение и коней, перевести отряд по узким звериным тропам через горный хребет. Совершив ночной многокилометровый марш по горам, партизаны проскочили мимо карателей, вырвались из сжимавшихся клещей и растворились в лесах западной Боснии.

Не всем так повезло, как партизанам Елагина. Много отрядов было блокировано и уничтожено в те дни. Выполняя приказ Тито, уцелевшие партизанские соединения прорывались на запад. По замыслу Тито, именно западная Босния должна была стать главным районом сбора партизанских сил, местом, где начнётся возрождение югославской армии.

Всё лето прошло в жестоких боях. Елагин выполнял задачу, поставленную перед ним самим Тито, и пытался отвлечь на себя как можно больше сил противника, тем самым давая шанс другим партизанам быстрее продвинуться на запад и объединиться в крупную армию в районе Дрвара. У отряда Елагина не было постоянной базы, ему приходилось всё время менять местоположение, двигаться, уклоняясь от ударов противника, жалить его там, где тот не ожидал, и снова уходить в лес. Елагин понимал, что только высокая манёвренность и железный порядок могли обеспечить успешное выполнение задачи и спасти его отряд от разгрома. Тактика внезапных укусов и постоянного движения, по мысли Елагина, выматывала, дезориентировала врага, сковывала его действия и была наиболее успешна.

В конце августа, уходя от преследования немецких карателей, отряд Елагина двигался к горам. На пути лежало сербское село. Там Елагин хотел пополнить запасы, а потом, разделив отряд на три группы, отойти в горы. Для того чтобы выяснить обстановку, он отправил впереди себя разведчиков во главе с Деяном Ковачем. Те быстро вернулись, приведя с собой насмерть перепуганного мальчишку лет десяти.

– Нет больше села, – сообщил Деян.

– Как нет? – удивился Елагин.

– Сожгли село.

Елагин посмотрел на завёрнутого в шинель чумазого мальчишку: тот, вцепившись в кусок хлеба, мелко дрожал, и как загнанный волчонок, круглыми от ужаса глазами, разглядывал обступивших его партизан.

– Рано утром в село пришли усташы, дома грабили и поджигали, а жителей согнали... всех, мужчин, женщин и детей, в один сарай и сожгли, – сказал Деян. – В живых остался только этот паренёк. – Деян, пытаясь скрыть слёзы, отвернулся в сторону. – Там... там трупы обгорелые кругом... Взрослые, дети, даже младенцы...

Деян не выдержал: громко всхлипнул и, вытирая запястьем глаза, отошёл в сторону, чтобы уже никто не видел его слёз.

Елагин склонился над пареньком, погладил его по голове.

– Успокойся, тебя здесь никто не обидит, – сказал Елагин как можно мягче. – Тебя как зовут?

– Радко, – тихо ответил мальчишка.

– А родители где?

– Мамка, папка, сёстры, братики – все сгорели. Только я убежал... Они стреляли, но я убежал.

– Кто это они?

– Хорваты и русские.

– Русские? – не поверил Елагин.

– Да, русские, – подтвердил мальчишка.

К Елагину подошёл один из разведчиков.

– Они ушли всего часа три назад по дороге на север, – сказал он. – Идут медленно, с повозками награбленного. Мы можем перехватить их.

Елагин видел, что сейчас его бойцов занимало только одно – месть. И все ждали слова командира. Командир же должен был не столько прислушиваться к зову сердца, сколько подчиняться доводам разума. Разум же говорил, что усташи уходили на север, в противоположную от спасительных гор сторону, а это значило, что если сейчас броситься вдогонку за ними, шансов уйти от преследующих отряд немецких карателей будет совсем мало. А, значит, отряд ждёт гибель... Это с одной стороны, а с другой, если преступление окажется безнаказанным, то зачем они вообще воюют?!

Елагин оглянулся. Лица обступивших его партизан были более чем красноречивы.

– Первая и вторая рота во главе с Гораном идут через перевал. Задача: перехватить усташей и уничтожить, – приказал Елагин. – Я вместе с третьей ротой двигаюсь по дороге и перерезаю им пути отступления.

Елагин выдохнул: он всё ещё сомневался в своём решении, но отказаться от него уже было невозможно...

Горан постарался: партизаны успели вовремя и устроили засаду. Когда Елагин подоспел к месту боя, всё уже было кончено. Операция возмездия прошла более чем успешно. У партизан теперь не было, а отряд усташей был практически весь уничтожен. В плен попала только дюжина человек.

Горан подошёл к командиру.

– Тут, и правда, не только усташы были, – произнёс он, перевернув сапогом лежавшее на дороге мёртвое тело; в сторону откатилась кубанка с гитлеровским орлом, а на сером немецком мундире стали видны лычки с черепами и знак казачьих войск СС. – Это казаки, – сказал Горан и посмотрел на командира; взгляд его был непонимающий, обиженный. – Но как могли они, русские, своих же православных братьев?!..

– В живых кто-нибудь из них остался? – спросил Елагин.

Горан презрительно махнул в сторону сидевших на обочине пленных.

– С казаками можешь разобратся сам, а с усташами позволь уж мне.

Елагин согласно кивнул. К нему подвели пятерых эсэсовцев. В пыльных мундирах, с завязанными руками, потерянные и жалкие, они стояли, сгрудившись и прижавшись друг к другу плечами.

– Офицеры есть? – спросил Елагин по-русски.

Вперёд вышел пожилой усатый мужчина.

– Я командир отдельной казачьей сотни, – сказал он.

Что-то неуловимо знакомое мелькнула в чертах этого человека, в его голосе. Вдруг перехватило дыхание – Елагин узнал пленного. Это был Мухин... Да, это был он, есаул Мухин! Постаревший, поседевший, с впалыми, дряблыми щеками и поредевшими, обвисшими усами, с растерянным, безумным взглядом, в немецкой форме с лычками СС, но это был он!

Мухин тоже узнал своего бывшего товарища и командира. Совершенно не ожидая увидеть знакомого среди пленивших его партизан, Мухин вдруг удивлённо моргнул, а потом улыбнулся вяло, широко, как будто по-детски, виновато и беспомощно, и эта глупая улыбка приклеилась к его худым, потрескавшимся губам.

– Емельян Фёдорович, это вы? – с непонятной и печальной радостью в голосе спросил он.

Елагин кашлянул, отвёл взгляд, его руки задрожали, суетливо задвигались, ухватились за ремень, потом скользнули за спину, поправляя гимнастёрку, потом снова непроизвольно схватились за ремень. Волнение от встречи скрыть было нельзя. Горан посмотрел сначала на пленного, потом на командира, потоптался в нерешительности.

– Дай нам поговорить, – сказал Елагин тихо. – Отойди, Горан.

Горан нахмурился. Елагин повторил свою просьбу более твёрдо, и только тогда Горан приказал отвести остальных пленных в сторону и сам медленно отошёл, оставив русских вдвоём, один на один.

– Вот и свиделись снова, – выдохнул Мухин, он стоял неподвижно и продолжал улыбаться, глаза его лихорадочно блестели.

– Да, – опять кашлянул Елагин, в горле запершило. – Не думал я... что вот так вот произойдёт наша встреча, Сергей Александрович.

– А вы, значит, за красных, за коммунистов теперь?

– Я, как и всегда, за социализм, – глухо отозвался Елагин и снова машинально ухватился рукой за ремень.

Помолчали. Елагин даже не знал, как можно допрашивать своего бывшего друга, человека, который когда-то спас ему жизнь... Но теперь они были не просто чужие люди, они были враги, смертельные враги.

– А вы постарели, – негромко сказал Мухин.

Елагин отодрал свой взгляд от камня на дороге.

– Время бежит, и все мы стали много старше, Сергей Александрович, – ответил он.

Они снова помолчали.

– Вы были командиром отряда, который уничтожил сербское село? – спросил Елагин.

– Да, я, – ответил Мухин.

– Это вы приказали убить... сжечь всех жителей села?

– Да, я, – с покорностью подтвердил Мухин.

У Елагина кольнуло сердце, и он машинально поднёс руку к левой стороне груди.

– Что, болит? – не без искреннего сочувствия осведомился Мухин.

Елагин поморщился. Спустя мгновение сердце отпустило.

– Зачем?.. Зачем, Сергей Александрович?! – не сдержался и воскликнул Елагин, в бес- сильной злости сжались кулаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.